

ИВАР
РАВИ

ПРОМЕТЕЙ
ПРОГРЕССОР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ивар Рави
Прометей: Прогрессор
Серия «Прометей», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67852842

SelfPub; 2022

Аннотация

Максим Серов уже тринадцать лет на Земле параллельной Вселенной во времена каменного века. Построено несколько поселений, племя Русов насчитывает тысячи человек. Древний город Ондон на территории современного Египта, стал вотчиной нашего героя. Максим не довольствуется малым, словно желая оправдать свое имя, он обращает свой взор на запад. В сфере его интересов лежит вся Европа, но готова ли Европа стать владением Серова. Неожиданные удивительные открытия и встречи ждут нашего героя на пути экспансии. Но беда всегда идет рядом с удачей: будут и тяжелые для Макса потери...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Экспансия на запад	4
Глава 2. Карликовые люди	17
Глава 3. Максель, а не Марсель	29
Глава 4. Твою мать	43
Глава 5. Иван Калита	57
Глава 6. Разбор полетов	71
Глава 7. Сед	84
Глава 8. Тартыга	98
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Ивар Рави

Прометей: Прогрессор

Глава 1. Экспансия на запад

– Впереди по курсу земля, – донесся крик с «вороньего гнезда». Напрасно всматриваюсь вперед, кроме голубой дали моря ничего не вижу. «Стрела» режет носом морскую гладь, оставляя за кормой пенистый след. Пять лет понадобилось Тиландеру, чтобы построить двухмачтовую шхуну своей мечты. Получилось судно с косым парусным вооружением, несущее на фок-мачте два прямоугольных паруса (марсели). Американец смог все-таки построить двухмачтовую шхуну марсельного типа, прекрасно идущую при боковом и почти встречном ветре. Попутный ветер вызывал небольшое рысканье, но это недостаток косого парусного вооружения всех шхун подобного типа.

«Пять лет», – мои мысли вернулись к прошлому. Прошло пять лет с тех пор, как Ондон признал мою жену Алолихеп правительницей, а меня Верховным Богом Ра. Отец Алолихеп оказался потомком англичан с учебного парусника «Атланта». Судовой журнал корабля содержал подробное описание приключений парусника, его капитан Стирлинг даже верно предположил, что они очутились в далеком прошлом

Земли. Не найдя Темзы и Лондона, «Аталанта» проследовала в Средиземное море в поисках признаков цивилизации. Обойдя всю береговую линию, англичане наткнулись на племена кроманьонцев у дельты Нила. Здесь они обосновались и назвали свое поселение Лондон, местные со временем перефразировали его в Ондон. Курсанты с «Аталанты» смешивались с аборигенами, и только офицеры старались блюсти свое прошлое, но со временем и они махнули на это рукой.

Часть англичан ударились в религию и стали служителями Ра, чьими посланниками они объявили себя. Собрав воедино несколько племен, англичане научили их культивировать пшеницу. Нил своими ежегодными разливами удобрял почву, и Амонахес процветали, пока в Ондоне не произошел переворот. После смерти капитана Стирлинга ирландцу Эйфину Маклафлинну пришлось бежать, спасая свою жизнь. Он пристал к берегу в районе Израиля, где местное племя его приняло добродушно. Со временем доминантные гены ирландца подавили гены местных, и дети стали рождаться рыжими со светлой кожей. А после смерти родоначальника рыжеволосых, сами Нига стали выбраковывать темнокожих и черноволосых. Так на Ближнем Востоке появилось небольшое племя рыжеволосых, где власть постепенно перешла к женщинам. Моя Миа оказалась ирландкой по происхождению, а темперамент видимо ей достался от африканских родичей.

Не менее интересным оказалось происхождение и Алоли-

хеп: она получалась англичанкой в девятом поколении. Ее прямым предком был английский офицер «Атланты» Глен Соммерс, взявший в руки бразды правления после смерти Стирлинга. Несколько офицеров «Атланты» подверглись репрессиям, остальные перешли в разряд священнослужителей. Зикур, захвативший власть в Ондоне и убивший отца Алолихеп, являлся потомком одного из таких офицеров. И возможно, правил бы в Ондоне много лет основав собственную династию, если бы не я.

– Макс, впереди земля, если верить карте, это Сицилия, – в паре метров от меня Тиландер держался рукой за натянутый шкот.

– Пристанем к берегу, посмотримся, – слова американца вырвали меня из воспоминаний. Пять лет он потратил, но своего добился: теперь мы не нуждались в гребцах. Двухмачтовая «Стрела» так названа неспроста: четырнадцать узлов удалось развить при свежем в ветре в бакштаг без потери устойчивости. При сильном встречном и боковом ветре парусник мог идти со скоростью до десяти узлов. Путь от Плажа до Кипруса в среднем проделывали в течение шестнадцати-восемнадцати часов.

Освободившись от гребцов, шхуна могла принять на борт до полутора сотен воинов и до пяти тонн груза при длительном плавании. При необходимости шхуна могла взять до трехсот человек, но тогда про нормальные условия пришлось бы забыть. «Стрела» имела тридцать восемь метров

длины при ширине всего шесть метров. Максимальная осадка судна при полной загрузке достигала двух с половиной метров, позволяя подходить к берегу практически вплотную. Две небольшие шестивесельные шлюпки вместимостью до двадцати четырех человек были крепко зафиксированы на палубе.

– Как думаешь, Макс, могут на Сицилии жить аборигены? – Тиландер жевал кусок солонины, производство которой мы освоили пару лет назад.

– Вполне вероятно, на территории Греции ведь попались нам неандертальцы.

– Наши действия? Убиваем или делаем их людьми?

Вопрос американца рассмешил, встретившись с неандертальцами на территории будущих Афин, он так не спрашивал, когда удирал. Его преследователей мы просто отпугнули, на что недовольный Тиландер час убеждал меня в необходимости истребить этих недолудей, искоса поглядывая на Санчо.

– Без опасности для нашей жизни убивать не будем. Нам нужны людские ресурсы везде. Если адекватные, работаем по прогрессу племени. Если неадекватные – просто оставляем в покое.

– Понял, буду искать место для подхода к берегу, – Тиландер ушел на корму, оставив меня одного. Санчо мирно похрапывал, привалившись спиной к бочонку с солониной, поднятому из трюма. Бер со своими людьми находился на

палубе, большинство из них спало, а сам командир точил катану куском камня.

Бер попал ко мне подростком в составе огромного войска черных кроманьонцев под командованием вождя Сиха. Случилось это на пятый год моего нахождения на Земле. Первые два года я провел на турецком побережье, где встретил Нел, Рага и Бара. Нел стала моей женой, а ее братья – моей опорой. Но Бар мертв, погиб пять лет назад, прикрыв меня своим телом во время нападения воинов Зикура на Плаж. Он долго не мог прийти в себя после моего похищения неандертальцами, приняв на себя всю вину. Вина в том похищении была только моя, пренебрегая опасностью, я пошел на охоту в сопровождении всего одного лучника Маа.

Результат охоты оказался плачевный – Маа в желудках неандертальцев, я же в плену. Позднее я часто думал, почему меня не убили захватив в плен. Может из-за моего цвета кожи (неандертальцы были светлокожие) может из-за моей связной речи, вызывавшей искреннее изумление дикарей. Мне фартило, даже когда кроманьонцы напали на стоянку неандертальцев у озера: из всего племени уцелели я и Санчо. После полугодовых приключений удалось вернуться домой, потеряв кроманьонку Ику, встреченную в плену у неандертальцев.

– Макш, Ха? – проснувшийся Санчо по привычке задал стандартный вопрос.

– Ха (все хорошо), – вопрос неандертальца сбил меня с

цепочки воспоминаний, а ведь именно его телепатическое чутье спасло жизнь Келадонхепу и Алолихеп, умиравшим в лодке от обезвоживания. В мои планы переселения на Кипр пришлось внести коррективы. Одновременно с основанием колонии на Кипре провел разведку, отправившись к дельте Нила. Город Ондон поражал размерами, и, как оказалось, не зря. После практически бескровного взятия города произвел перепись и поразился. В самом Ондоне и его окрестностях проживало три тысячи восемьсот двадцать человек, большинство из которых занимались рыбной ловлей.

Помню дилемму, вставшую тогда передо мной: как заставить говорить такое количество народа на языке Русов. Выход, как ни странно, подсказала сама Алолихеп, предложив переселить в Плаж и Кипрус несколько сотен Амонахес. В свою очередь, следовало поселить в Ондоне тоже около сотни Русов, чтобы изучение языка шло и здесь. Для личной охраны Алолихеп я выделил десятку воинов Бера и двадцать воинов из отрядов Лара и Гау. Два судна Амонахес нагруженные колонистами ушли вместе с «Акулой», чтобы поселить этих новоявленных Русов в Плаже и Кипрусе.

В тот раз я задержался в Ондоне на месяц, часто беседуя со служителями Ра, обладавшими обрывочными знаниями, переданными их отцами. Самым настоящим подарком для меня послужили яблони, которые были высажены англичанами из припасов «Атланты». Яблони росли в небольшом изолированном саду и считались священными деревьями.

Каждую весну во время цветения служители Ра совершали под ними обряды, знаменующие их связь с посланниками Ра.

Несколько десятков саженцев яблонь теперь превратились в молодые деревья, давшие уже второй урожай в Кипресе и Плаже. Пшеница тоже успешно прижилась на Кипре. Виноград, найденный мной в горах Кипра, теперь обвивал южную сторону моей резиденции, радуя нас своим вкусом. Первое вино получилось неудачным, но, учтя ошибки, при втором урожае получил недурное вино, признанное Тиландером как «самое лучшее в мире». Но самым главным приобретением в Ондоне стали кошки, которых там оказалось просто тьма. Большинство кошек были домашними, около тридцати кошастых вывезли и выпустили в Плаже и Кипресе. Проблема мелких грызунов в виде мышей и крыс перестала быть таковой уже через год.

Оливковые деревья тоже высадили в долине, недалеко от полей пшеницы и ячменя. Эти прошедшие пять лет выдались относительно мирными: только один раз в районе Форта появилось большое племя кроманьонцев, быстро покинувшее берега Литании после смертоносного обстрела лучниками. В Ондон я вернулся через год и удивился: практически везде слышалась немного искаженная русская речь. Алолихеп встречала меня на пристани с младенцем на руках. И опять судьба подарила мне сына, которого в мое отсутствие нарекли Максхеп.

Обедая во дворце, узнал причину повального знания рус-

ского языка: Алолихеп снизила вдвое налоги для тех, кто полностью перешёл на язык Русов. Стоит ли говорить, что к истечению года Ондон стал русскоговорящим. Дворцовая охрана и челядь вообще считала язык Русов единственно верным, старательно избегая говорить на языке Амонахес.

Мои владения сильно расширились: в течение последующего года дважды посещал Ондон, чтобы провести время с Алолихеп и поиграть с сыном. В городе было хорошо развито гончарное дело: горшки Нел не шли ни в какое сравнение. Но в окрестностях города совсем плохо обстояли дела с древесиной. Между Кипрусом, Плажем и Ондоном начали налаживаться торговые отношения. Ондон поставлял горшки, камни для заточки ножей, шкуры африканских животных. Кипрус был богат устрицами, нефтью, оливами и виноградом. Плаж оставался промышленным городком: отсюда на продажу шли свинцовые и стальные плашки, каменный уголь и кокс, соль.

Спустя пять лет жизнь в моей зачаточной империи уже трудно представить без денег. Все средства стекались в Кипрус, фактически ставший столицей первого протогосударства. Мы научились перегонять нефть, получая керосин. Лайтфут долго мучался, клепаая цилиндр для перегонки нефти. Зато теперь с наступлением темноты зажигались керосиновые светильники, установленные по улицам наших поселений. Обе рации функционировали успешно, но рацию с «Акулы» я перенес на «Стрелу».

За пять лет Гау также сильно продвинулся в изготовлении луков: я лишь в общих чертах рассказал про композитный составной лук. Путем проб и ошибок на третий год после завоевания Ондона Гау смастерил первый композитный составной лук. Этот лук значительно превосходил прежние, уверенно посылая стрелу до полутора метра.

Население Кипруса выросло до четырехсот человек, и пришлось закладывать второе поселение на западном берегу острова. Путь к нему через холмы и леса занимал около суток, но необходимость контролировать западный берег Кипра была актуальной. Поселение я назвал Запрус, по аналогии с Кипрусом. Полторы сотни человек переселились туда, в основном занимаясь добычей известняка и рыбалкой.

К исходу четвертого года завоевания Ондона и двенадцатому году моего пребывания на Земле колонизировали Родос. Здесь я заложил небольшое поселение Славрус, где сейчас проживало около семидесяти человек.

Но одним из самых важных своих достижений я считал внедрение стандартов системы СИ. Опытным путем определили эталон килограмма, литра и метра. Дальше уже проще: Лайтфут отливал болванки весом в полкилограмма, килограмм, пять и десять. Мерные медные сосуды для сыпучих продуктов, таких как ячмень, пшеница, чечевица тоже изготавливались кузнецами. Привить Русам понятие метра и километра оказалось довольно легко. В настоящее время эталоны веса, емкости и длины имелись во всех поселениях,

а изготовленные Лайтфутом гири не отличались большой погрешностью.

После расчета летнего солнцестояния я ввел юлианский календарь, началом отсчета Времени определил день своего приземления. Бумажные календари из листов папируса существовали всего в нескольких экземплярах. Остальной народ пользовался палочками с нанесенными цифрами, где передвигая толстую нить, отмечали нужный день.

– Макс, мы готовы высаживаться, – голос американца вырвал из очередной череды воспоминаний. Встряхнув головой, осмотрелся: у побережья темной грядой нависали скалы, среди которых открывалась изумительно красивая бухточка похожая на скандинавские фиорды. Тиландер аккуратно вел «Стрелу» постоянно замеряя глубину. Достав потрепанный атлас мира, сверился: в моем мире здесь располагалось поселение Гранелли. Узкий проход в бухточку переходил в обширную лагуну с бирюзовой водой и ослепительно белым песком пляжа.

– Это Гранелли, – вслух произнес название местечка. Тиландеру название ни о чем не говорило, тем не менее, мотнув головой, он продолжал вести корабль у береговой линии внутри лагуны.

В этот раз мы в разведывательной операции: предстояло обследовать итальянский «сапог», Францию, Испанию и дойти до Гибралтара. Островные государства хороши своей изолированностью, делающие их недоступными для врага.

Но я не собирался жить в изоляции: будущее мира в Европе, а значит необходимо стремиться сюда. Только прежде следовало оценить климатическую ситуацию в этих местах и разведать ситуацию с людьми, что населяли эти места.

«Стрела» бросила якорь в пятидесяти метрах от берега. дальше начиналось мелководье. Матросы сноровисто спустили шлюпку на воду, и первая партия во главе со мной и Тиландером на веслах отправилась к берегу. Вода в лагуне кристально чистая, и дно просматривалось в мельчайших деталях. Обращало внимание огромное количество пестрых рыб и небольших осьминогов, сновавших по дну. Шлюпка заскребла днищем по песку, двое матросов выскочили и вытянули ее на берег не дожидаясь нашей выгрузки.

– Добро пожаловать на Сицилию, будущую родину итальянских мафиози, – Тиландер смехом встретил мои слова.

Ему, выросшему в Америке тридцатых годов, слова «итальянская мафия» хорошо знакомы. За широкой полосой песка начинались кусты растений похожих на пальмы, что обычно растут в кадках. Чуть дальше уже темнел нормальный кустарник, плавно переходивший в лес. Слева от нас высились скалы, по одной стекал еле заметный ручеек. На расстоянии километра лес прерывался, переходя в скальное нагромождение с редкими кустарниками.

– Останемся ночевать здесь?

– Да, посмотримся поблизости, может, наткнемся на людей. Пусть все высаживаются на берег и занимаются делом. –

Тиландер отдал команду, и матросы зашевелились. Шесть человек на шлюпке отправились к шхуне, остальные начали собирать хворост для костра и устанавливать мою палатку, которую я взял в эту экспедицию.

Здесь прохладнее, чем на Кипре и Родосе, но для апреля погода довольно теплая. Неделю назад минуло ровно тринадцать лет, как моя нога ступила на землю, и я начал обжигаться. Мне стукнуло сорок лет, и шел сорок первый. Старшему сыну Михе уже одиннадцать почти, Мал на год младше. Близняшкам по восемь, а Урру уже идет седьмой год. Самому младшему Максхепу четыре, на этом процесс деторождения временно прекратился. Нел и Миа тоже повзрослели, Миа даже слегка остепенилась. Нел занимается обучением грамоте населения Кипруса, Зик прекрасно совмещает обязанности мэра и местного лекаря. Еще несколько человек обученных мною оказанию первой медицинской помощи расселены по остальным поселениям. Как я ни стараюсь, цивилизационные процессы идут медленно, дикарям трудно перестроить свое мышление. Они привыкли жить сегодняшним днем и искренне не понимают моих мотивов.

– Га (опасность), – одновременно с голосом в голову ворвался телепатический сигнал от Санчо.

– Тревога, рядом враг, всем занять оборону, – по моей команде группа воинов из двадцати человек мгновенно образовала каре, заключая меня внутрь живого щита. Группа птиц вспорхнула с деревьев, выдавая присутствие посторон-

него. Потянулись минуты ожидания, пока из-за деревьев не показались несколько человеческих фигур с копьями в руках. Даже с расстояния в триста-четырееста метров видно, что это не кроманьонцы и не неандертальцы. Это пигмеи.

Глава 2. Карликовые люди

– Это лилипуты? – в голосе Тиландера сквозило крайнее удивление.

– Скорее, пигмеи или карликовые люди, – выйдя из каре, я рассматривал карликовых дикарей, вышедших из леса. Их около двух десятков, рост едва превышал метр, если только расстояние не обманывало. Тем временем аборигены двинулись в нашу сторону, периодически пропадая из поля зрения за невысокими кустами.

– Без моей команды не стрелять, мы пришли не убивать, – еще раз напомнил своим людям. От «Стрелы» неслась шлюпка, с корабля тоже заметили аборигенов.

– Герман, предупреди воинов в шлюпке, чтобы не стреляли, попробуем установить с ними контакт.

Я прошел вперед метров на тридцать и остановился, практически прикрываемый мощной фигурой Санчо. Пигмеи или карлики остановились в сорока метрах передо мной, с минуту мы просто рассматривали друг друга. Если бы я попал в фэнтезийный мир, решил бы, что передо мной гномы. Ростом примерно с метр, с широкими окладистыми бородами и довольно развитой мускулатурой карлики сильно напоминали гномов из книг. Вот только нет на них шлемов и топоры не отягощали руки. Вместо топоров карлики вооружены копьями, половины еще сжимают в руках ровную трость

или палку в метр длиной.

Пора устанавливать контакт: выйдя из-за спины Санчо, демонстративно протянул руки, показывая пустые ладони:

– Я Макс, пришел с миром, – плавно прикладываю правую руку к сердцу. «Гномы» переглянулись, и самый статный из них повторил мой жест, прикладывая руку к груди.

– Уру, малт пава, – прозвучало в ответ. Чтобы проверить догадку, переспросил, показывая на вождя:

– Уру?

– Уру, – отозвался бородатый карлик, остальные настороженно взирали на нас не выпуская из рук копий и своих тросточек. Шлюпка пристала к берегу, и около тридцати воинов построились во второе каре, увеличивая наше численное преимущество практически в три раза. Самое странное, что «гномы» никак не отреагировали на увеличение численности возможного врага.

– Есть кусок солонины, Герман?

На мой вопрос американец послал воина в шлюпку, и тот быстро вернулся с солидным куском мяса в руках. Взяв мясо, нарочито спокойно откусил и начал жевать. Бородатые карлики смотрели на мой прием пищи с некоторым любопытством. Сделав несколько шагов, протянул мясо вождю. Тот, оглянувшись на своих людей, двинулся навстречу. Примерно на полпути мы встретились.

– Это соленое мясо, вкусно, – еще раз откусив, протянул вождю аборигенов, который доставал мне, можно сказать, до

пояса. Схватив мясо, вождь вонзил в него зубы и откусил солидный кусок, усиленно работая челюстями. Я ждал, пока он прожует, если аборигены употребляют соль, мясо ему понравится. Судя по отсутствию гримасы и последовавшей довольной улыбке, соль карликам знакома.

– Оро, – на его крик подбежал молодой карлик, получивший мясо в руки. Еще пара гортанных фраз, и карлик вернулся к остальным пигмеям, которые передавали кусок из рук в руки, откусывая по куску.

– Уру, – еще раз повторил вождь, снова дотрагиваясь до своей груди

– Макс, – поспешил напомнить я свое имя, но дикарь так и не смог его выговорить, и мое имя в его устах трансформировалось в «Мака», что, в принципе, меня устраивало. Вождь смело смотрел мне в глаза, не показывая признаков страха или растерянности. Пару раз он задержал взгляд на Санчо, не удостоив остальных воинов пристального внимания. Пигмеи были смуглыми, но назвать их черными я бы не решился. По форме носа, бородам и надбровным дугам, это кроманьонцы. Но я никогда не слышал, чтобы в Европе жили карликовые люди.

– Герман, тащите еду, угостим наших хозяев, – затем повернувшись к Уру, сказал, показывая на костер:

– Пошли, поедим у костра. – Не знаю, понял ли пигмей смысл моих слов или моя интонация не внушала ему опасений, но к костру он присоединился вместе со своими

людьми. Пигмеи и Русы присматривались друг к другу, кое-где даже слышался смех. Я попросил у ближайшего воина тросточку и после кивка вождя мне ее дали. Это оказалась не трость, а идеально прямая полая трубка. Только я собирался спросить, для чего она нужна, как со стороны леса над нами пролетела стая птиц похожих на гусей. Несколько воинов-пигмеев приставили трубки ко ртам, надули щеки и словно выплюнули в трубку. Три птицы камнем полетели вниз, две упали на песок у линии воды, еще одна – в воду в двадцати метрах от берега. Но на этом чудеса не прекратились: один из карликов вошел в воду и поплыл по-собачьи. Добравшись до птицы, схватил ее зубами за крыло и поплыл обратно.

Я заметил, как осмотрев тушки упавших птиц, пигмеи ловко что-то спрятали, вытащив из добычи. Полая трубка, выдох, мгновенная смерть: по спине поползли капли пота. Карлики владели ядом, убивающим мгновенно. Вот почему их особо не беспокоила наша численность: такой яд мгновенно выкосил бы половину моих воинов. Но настоящий сюрприз оказался куда неприятнее:

– Уру, уру, саа кан, – высоким голосом громко прокричал вождь. Как только его слова смолкли, из-за кустов неподалеку, слева и справа от нас показалось еще около двадцати карликов, большинство из которых были вооружены полыми трубками. Воины приблизились и уселись на землю в нескольких метрах, не сводя с нас глаз. В отличие от пер-

вых пигмеев, свободно ходивших между моих воинов и трогавших металлические части оружия, эти вели себя словно снайперы на крышах зданий во время проезда президентского кортежа. Одно неверное движение, и отравленные шипы или иголки положат половину моего отряда. Выхватить меч и нанести удар или послать стрелу из лука займет куда больше времени, чем приставить трубку ко рту и дунуть.

Сейчас главное, чтобы Тиландер и воины не поняли, что все мы под прицелом. Испугаются, дернутся, и карлики могут решить, что мы им угрожаем. Костер весело пожирал веточки, на самодельных шампурах готовилось мясо с удовольствием, пожираемое карликами. Ощипав убитых гусей, пигмеи глубоко и с захватом большой площади вырезали куски почерневшего мяса. Это что за токсин такой в яде, что убивает за секунду и превращает мясо в черное желе? По позвоночнику отчетливо прошелся холодок, лучше разойтись миром, не дав повода к ссоре.

Хорошо, что никто из моих людей не подозревает о грозящей опасности. Встретившись взглядом с Бером, осознал, что мой командир спецназа все понял. Бер сканировал пигмеев и окрестности, пытаюсь определить, нет ли еще карликов в засаде.

«Нет, ничего не делай», – сообщил взглядом своему приемному сыну. Бер дал понять, что понял мой приказ, но все же он оставался единственным, кто не смеялся и не расслаблялся. Пигмеи лезли на плечи моим воинов, с удовольствием

катавших их на плечах. Все это напоминало снежные баталии из моего детства, когда, усевшись на плечи старшим, мы лупили друг друга, пытаясь скинуть «всадника с коня». Меня удивляла беззаботность Санчо, который посадив на каждое плечо по карлику, носился с ними по песку, изображая моего Дрома. Где его обостренное чувство опасности? Почему он не чувствует опасность, исходящую от карликов...

Пересчитал пигмеев, что вышли из засады и вели себя настороженно: восемнадцать человек и все вооружены трубками с отравленными шипами. Понемногу веселье прекратилось, и большинство уже успело наесться. Интуитивно я почувствовал, что наступил момент, когда может все либо наладиться, либо придется биться с пигмеями.

– Ху лела ду? – Вопрос вождя прозвучал неожиданно, заставив вздрогнуть. Для себя я его перевел как «какого хрена вы здесь потеряли»? Следовало ответить немедленно и очень доступно, чтобы у карликов не появились сомнения насчет нашей дружелюбности. Взгляд уперся в скалу, по которой сбегала тоненькая струйка воды:

– Вода, у нас закончилась вода, – поднявшись, подошел к скале и подставил сложенные руки под ручеек. Выпил воду, блаженно зажмурившись и повторил:

– Вода.

– Су? – в голосе вождя прозвучало понимание.

– Да, вода, су, – снова выпил пригоршню воды и, оттерев губы тыльной стороной ладони, продолжил:

– Мы уплываем прямо сейчас, – для наглядности показал на корабль и негромко дал команду Беру: – собирай людей, мы отплываем.

Бер прикрикнул, шумевшие воины стихли и деловито начали собираться. В глазах вождя Уру промелькнул огонек радости: похоже, он все-таки побаивался нас, несмотря на кажущееся спокойствие.

– Макш, Ха (мы уходим)? – Санчо наконец освободился от своих всадников и теперь нависал надо мной и вождем.

– Ха (да, уходим). – Сейчас нет времени выяснять, но потом на корабле задам ему взбучку за его спящее хваленное неандертальское чувство опасности. Но Санчо не собирался сдаваться так быстро. Он трижды пробовал уговорить меня остаться, даже отшвырнул в сторону двух карликов, собирающихся залезть на него в попытке прокатиться. На такое грубое движение пигмеи не прореагировали, хотя оба бородача покатались по песку. Но стоило мне встать с места, как с десяток воинов из засады напряглись, а двое даже подняли трубки.

– Ахец, – прозвучала команда вождя, и трубки снова уткнулись концами в песок. Не знаю, когда Бер успел довести до людей грозящую нам опасность, но все двадцать моих лучников тоже изготовились пустить стрелы, наложенные на тетивы. Напряжение нарастало с каждой минутой, жест лучников не ускользнул от внимания карликов, которые практически встроились в шеренгу. И снова мы с вождем Уру ока-

зались практически наедине, но теперь в его глазах я прочитал беспокойство, и секунду спустя меня осенило:

«Он не знает, как быстро подействует яд на таких крупных воинов. Одно дело гуси и мелкие грызуны, может даже козы. Но мы втрое крупнее коз, и если яд мгновенно нас не убьет, можем запросто перебить карликов». От понимания, что не одного у меня трясутся поджилки, почувствовал облегчение и улыбнувшись, обратился к Уру:

– Мы уходим, все хорошо, мир.

– Мир, – повторил последнее слово Уру.

– Да, мир. Живите на своем острове и плодитесь, – не оглядываясь пошел к морю, уверенный, что в спину не выстрелят. В каменном веке, действуют законы животных: хищник нападает на того, кто слабее и боится. Если человек не показывает страха, даже крупные хищники обходят его стороной. Инстинкт заложил в них правило преследовать и нападать на того, кто убегает, потому что убегает слабейший.

– Грузимся в шлюпку, отплываем, – по моей команде шлюпку столкнули в воду, и набитая воинами она пошла к «Стреле». На берегу остались Санчо, я, Тиландер, Бер и около двадцати лучников, прикрывавших нас полукругом. Только сейчас пигмейские часовые немного расслабились, некоторые даже присели на землю, ковыряясь в песке. Прошло около десяти минут, прежде чем шлюпка снова оказалась на берегу рядом с нами.

– Прощай, Уру, постарайся выжить, – я последним взо-

брался в шлюпку и отдал команду: – Отплываем.

– Мака! – голос вождя пигмеев ударил в спину. Выхватив у одного воина трубку и держа в руках что-то похожее на грушу коричневого цвета, Уру шел к шлюпке.

– Не стрелять, он не угрожает нам, – охладил я пыл лучников, спрыгнул со шлюпки и по колено в воде ожидал приближения вождя. Зайдя в воду по пояс, Уру протянул мне трубку и странный предмет похожий на грушу, только очень сухой. Вытащив деревянную пробку, он показал на вязкую консистенцию внутри:

– Догаж. «Яд», – интуитивно догадался. Кроме трубки Уру протянул около десятка шипов длиной в пять сантиметров, в основании которых было что-то похожее на цветок распустившегося хлопка. Бородатый вождь карликов продемонстрировал, как макает шип острием в яд, вкладывает в трубочку и дует.

– Ха эц! – я принял из его рук грозное оружие, убедился, что пробка сидит плотно и окликнул Бера:

– Дай мне лук и десяток стрел. – Взяв переданное оружие, наложил стрелу и пустил ее в сторону свободную от карликов. Под восхищенный гул удивления один из воинов побежал за ней: стрела пролетела больше сотни метров и упала на песок.

– Бери! – теперь грозное оружие другой эпохи и другой культуры перешло в руки Уру. Лук для него оказался великоват, но, если они не дураки, смогут сделать себе луки по

росту. На минуту закралось сомнение, правильно ли я поступаю, вооружая карлика. Если их трубки могли стрелять на пару десятков метров, то с отравленными стрелами они станут опаснее. С другой стороны, Уру дал нам смертоносный яд и свою технологию. Вряд ли племя карликов так многочисленно, чтобы представлять для нас опасность, тем более что обосновываться на Сицилии я не собирался. По моему времени Сицилия была куском скалы, на которой очень мало что росло, если не считать олив, апельсинов и винограда.

– Мне пора, береги себя, Уру, – похлопав «гнома» по плечу, снова влез в шлюпку, и матросы начали грести. Уру вышел на берег, его сразу окружили пигмеи. Мы могли их расстрелять, пользуясь расстоянием и потерей бдительности. Но мне они не мешали, карлики просто нас боялись и приняли меры предосторожности. Пожелай они нашей смерти, мы даже не успели бы приготовиться, чтобы дать им отпор.

– Макс, почему мы так спешно уходим, собирались ведь переночевать на твердой земле после недельного плавания, – нарушил молчание американец. Шлюпка дошла до «Стрелы», и с корабля сбросили веревочный трап.

– Они нас боялись, и в любой момент одно наше неосторожное движение могло вызвать бойню. Пусть живут на своем острове, все равно они обречены, так зачем нам или им умирать, – закончил я фразу уже на палубе. Уже поднатревшие матросы Тиландера довольно сноровисто подняли шлюпку на палубу и выбрали якорь.

– Мака, – донеслось с берега. Приветственно подняв руку, отдельно ото всех стоял Уру, пожалуй, единственный пигмей искренне жалевший, что мы покидаем их землю. Я помахал рукой в ответ, пока американец гонял матросов, выкрикивая непонятные мне команды:

– Поднять марселя, поставить кливер на фок-мачте, два гафеля на бизань-мачте. – Обученная команда носилась по палубе, тянула шкоты и фиксировала паруса. Медленно, словно раненые чайки, затрепетали на ветру полотнища парусов, и «Стрела» начала движение. Помню, когда встал вопрос о паруснике, спросил Тиландера, почему он мечтает построить именно шхуну, а не бриг или барк.

– Потому что шхуна с гафельными парусами не нуждается в вантах. С парусами можно работать прямо с палубы, не поднимаясь на мачты, – тогда ответ мне показался невразумительным. Сейчас я оценил выбор американца: высокие борта «Стрелы» практически по грудь скрывали матросов, поднимавших паруса. Если бы мы попали под обстрел, их работа практически не прерывалась бы. Совсем другое дело карабкаться по мачтам под обстрелом противника.

Паруса «Стрелы» поймали ветер, и шхуна заскользила к выходу из гавани, оставляя позади племя карликов, освоившее смертоносные технологии. Каждое племя, встреченное мной за тринадцать лет жизни на этой Земле, выживало по-своему. Крупные дикари надеялись на силу, племена мельче и слабее изобретали оружие. Совсем мелкие пигмеи освоили

яд и успешно его применяли.

– Санчо, почему ты не чувствовал в них угрозы? – Неандерталец не понял моего вопроса, удивленно глядя на меня и хлопая глазами.

– Га (там была опасность), прорычал я на верного телохранителя, еще раз удивляясь его беспечности, вспомнив как он носился с пигмеями на плечах.

– Ха, Макш, яц га (Макс, не было никакой опасности), – поколебал мою уверенность невозмутимый ответ неандертальца.

– Он не знает, что такое яд, поэтому не воспринял их как врагов, – Бер прислонился к борту рядом и продолжил: – Никогда не испытывал такого страха как сегодня. Ты правильно сделал, что мы оттуда ушли, это их земля, и они маленькие, но смелые.

Я не ответил, перед глазами стояла фигура Уру с поднятой рукой. Этот пигмей понял, что мы не враги, но рисковать не захотел. А может, он сожалел, что мы такие разные и не можем быть одним народом. Не знаю, впереди нас ждал остров Сардиния, после которого я наконец попаду на территорию, где видел костер с МКС. Франция, Италия или Испания для последующей колонизации? На этот вопрос пока не нашел ответа. Все будет зависеть от климата и населения, если таковое нам встретиться. Материк, хватит мне островов, империя Русов должна расширяться, а не умирать, отсиживаясь на островках в Средиземном море.

Глава 3. Максель, а не Марсель

Лишь выйдя в открытое море, позволил в полной мере высказать Санчо все, что думаю о его предчувствии опасности. Неандерталец моргал, не понимая вспышки моего гнева и не выдержав моего напора, понурил голову, признавая свой прокол. Для меня так и осталось загадкой, почему Санчо, чувствуя опасность задолго до ее появления, не разглядел в карлика угрозы. Боковой ветер с юга прижимал «Стрелу» к побережью, и Тиландеру приходилось манипулировать парусами, меняя галсы. Южный берег Сицилии проплывал справа по борту в трехстах метрах. В сравнении с живописными берегами Кипра Сицилия проигрывала: лес рос в глубине небольшими участками, основной ландшафт состоял из камней и кустарника. На скалах по побережью гнездились птицы, но животных мы так и не заметили. Только к полудню следующего дня Сицилия осталась позади, перед «Стрелой» расстилалось безбрежное море.

– Сворачиваем вправо, чтобы обследовать Италию? – Тиландер держался рукой за фок-ванты, удерживая равновесие. На море гуляло волнение в районе трех баллов, и нос шхуны то взлетал на волну, то зарывался в воду, окатывая нас брызгами.

– Что с ветром?

– Попутный, скорость девять узлов.

– Свернув вправо, мы потеряем время. А так быстро доберемся до Сардинии, где можно провести на суше пару дней, если не встретим потенциальных убийц, – принял я решение, и американец согласно кивнул:

– Вы начинаете разбираться в мореходстве, сэр!

Хотя с Германом мы давно перешли на «ты», временами из него выскакивала вбитая в армии привычка. Несколько раз делал ему замечание по этому поводу, американец извинялся и снова переходил к дружеской манере общения. С Лайтфутом так не получилось: он категорически не желал сближаться и по-прежнему обращался только «сэр». За пять лет на Кипре он сделал вторую кузницу, где обученные им ребята ковали орудия труда. Сам Уильям делал оружие и сложные конструкции. Последним заданием стало изготовление змеевика для самогонного аппарата: мой спирт давно закончился, а для дезинфекции требовалось кое-что покрепче пива и вина.

В такое волнение ходить по палубе чревато опасностью вывалиться за борт. Мои воины дремали, найдя позиции поудобнее. Раньше, когда читал книги про попаданцев, всегда думал, почему они вносят так мало новизны в мир, куда попали. Почему прогрессорством занимаются спустя рукава? Оказавшись в подобной ситуации, понял, что за каждым нововведением стоит долгая и кропотливая работа. За прошедшие спокойные пять лет мною сделано немало. Но еще больше было неудачных попыток. Попытка получить стекло за-

кончилась фиаско: или песок не подходил, или у нас руки росли не из того места. Вместо прозрачного стекла получалось подобие витражного, имевшее разноцветные разводы. Тем не менее, часть окон в моей резиденции на Кипре застеклили такими витражами. Моим женам это нравилось, окна они протирали с удовольствием, любуясь игрой света.

Название месяцев, дней недели, понятие часа, суток, килограмма и литра насаждалось долго. Понемногу определился костяк будущего государственно обустройства: армией ведал Лар, казна и торговые отношения были на Зике. Своего рода министром образования стала Нел, учившая в Кипрусе детей читать, писать и несложным математическим действиям в школе, рассчитанной на сорок учеников за смену. Образованием своих детей преимущественно занимался я, облегчая до невозможности школьную программу. Зачем им тангенсы и синусы, если до их применения в реальной жизни пройдут тысячи лет? Мои уроки носили познавательный характер для развития общего кругозора. Мihu я учил основам врачебной деятельности, парень уже знал о классической медицине куда больше Зика. Хотя занятия с Зиком он тоже посещал.

Дальше я упирался в тупик: у меня есть масса запчастей с двух самолетов, но практического применения им пока не видел. Мелькнула идея сделать повозку, благо имелось шасси, но Тиландер отговорил. Вместо этого он сделал обычную одноосную тачку с деревянным колесом. Тачка стала

востребованной и вскоре их стало около десятка. Проблему быстрой изнашиваемости колеса решил Лайтфут, оббив колесо железной полосой. Ось тачки вначале смазывали жиром, но тот быстро густел и заканчивался. Мазут, остававшийся после перегонки нефти в керосин, загустили гашенной известью, получилось что-то похожее на солидол. Теперь тачки не скрипели, и смазывать приходилось реже.

Устричная отмель Кипруса исправно снабжала моллюсками, рыбаки заваливали городок рыбой, и постепенно акцент в еде сместился в сторону морепродуктов. Стада коз и овец росли с угрожающей быстротой, пришлось пастухов вместе с их подопечными отогнать подальше от Кипруса, построив им хижину для ночлега. В Плаже и Кипрусе созданы прядильные мастерские, где работали переселенные с Ондона работники. Туники однотонного цвета все чаще появлялись на Русах, постепенно вытесняя шкуры и одежду из травы.

С одной стороны, жизнь вошла в размеренную колею, голод никому не грозил, и кроманьонцы с Африки практически перестали мигрировать на северо-запад. С другой стороны, я понимал, что все это временно и зиждется на моем авторитете. Мне катастрофически не хватало с десятков людей из моего времени, чтобы упорядочить наши знания и заняться архивизацией. При всех своих достоинствах, оба американца все же люди со средним образованием. Их умелые руки и практические навыки не могли заменить знания, необходимые для передачи потомкам.

От размышлений отвлек Бер, принесший мне покушать. Я не заметил, как уйдя в воспоминания, забыл про еду. Солнце уже село, с моря повеяло теплым воздухом. Нагревшаяся за день вода начинала отдавать тепло.

– Бер, сколько воинов осталось в Кипресе?

– Двадцать, и командир там Гор, он все правильно сделает, – мой приемный сын понимал меня с полуслова. Довольное урчание раздавалось в паре метров – это Санчо расправлялся со своей едой. Есть мне не хотелось, съел пару кусков, чтобы не обидеть Бера. Санчо, закончив со своей порцией, подобрался ко мне словно хищник.

– Кушай, Санчо, – протянул ему медное блюдо с кусками солонины, мгновенно исчезавшими в бездонном желудке неандертальца. Громко рыгнув, он устроился поудобнее и через пару минут захрапел. Бер, видя, что я не настроен говорить, отсел в сторонку. Опустилась ночь, спать в каюте было выше моих сил, духота стояла невероятная. Расстелив шкуру, растянулся на палубе, благо волнение стихло, и «Стрела» шла без качки. Несколько раз сквозь сон слышал, как отбивают склянки, Тиландер трепетно относился к соблюдению морских законов. Горе тому матросу, назвавшему швартов канатом или ванты – тросом. Весь раскрасневшись, американец полчаса минимум распекал провинившегося, заново вдалбливая морские термины в дикарские головы.

– Впереди земля, – прозвучало во время обеда второй раз

за последние пару дней. Между крайними точками Сицилии и Сардинии по моему атласу около трехсот километров. «Стрела» оправдывала свое название, пролетев это расстояние за сутки. Нет предела человеческой жадности, в этом я убедился лично. Когда после первых ходовых испытаний «Стрелы» похвалил Тиландера за скоростной парусник, тот промямлил, что ему хотелось бы построить клиппер с тремя или четырьмя мачтами. На мой вопрос, в чем преимущество клиппера перед шхуной, американец рассмеялся:

– Это как сравнить мула и английского скакуна, Макс. Клиппер самый быстроходный тип парусника, рекорды скорости принадлежат клипперам.

Это случилось почти год назад, уступая его просьбе я махнул рукой: «дескать, строй хоть ядерный ракетносец». Сейчас на верфи Кипруса высился скелет будущего клиппера из киля и двух штевней. Балки на шпангоуты уже вырезаны и сушатся под прессом для получения необходимого изгиба. По мне, «Стрела» вполне быстроходна, но получение еще одного скоростного корабля нам не помешает.

– Где пристанем, Макс? – Берег уже находился на расстоянии пары километров, и американец задал резонный вопрос. Покопавшись в атласе, ткнул пальцем:

– Вот здесь, – ткнул я в удобную бухту, расположенную напротив островка Сант Антьоко. На моем атласе обозначен мост, соединявший два острова, но в этом мире вместо него виднелся пролив.

– Убрать марсели, спустить гафели бизань-мачты, – Тиландер начал криками подгонять матросов, и сразу палуба отозвалась шлепками босых ног. «Стрела» сразу сбавила ход и, убрав гафели, шла по инерции. Якорь бросили в ста метрах от берега, Тиландер не стал рисковать и подходить ближе из-за воды, блестящей ярким салатовым цветом. В шлюпку набилось двадцать человек, и матросы налегли на весла. По мере приближения берега, становилось ясно, что это место мало чем отличается от места нашей высадки на Сицилии. Такие же глыбы камней, заросли невысокого кустарника, среди которых пробивались клочки травы. И множество птиц, взлетевших при нашем приближении. Совсем узкий галечный пляж. Питьевой воды поблизости не нашлось, хотя запас воды у нас оставался солидный, пополнить его не мешало. Задерживаться здесь нет смысла: вскарабкавшись на высокую глыбу, внимательно осмотрелся. Практически всюду, куда мог дотянуться взглядом, однообразная картина: скалы, кустарники, редкая трава. Небольшими группами росли низкие и раскидистые деревья. Леса, в том виде, что мы привыкли видеть, просто нет.

Бер с несколькими воинами набрал полные рюкзаки яиц, мы их съели, зажарив в медном блюде на небольшом костре, разожжённом из сухих водорослей. Конечно, судить о пригодности острова по одному месту нельзя, но тот же Кипр и Родос выглядели совсем по-другому.

– Отплываем, – по моей команде люди засуетились, до-

еда импровизированную яичницу.

– Тоскливо здесь, – поделился своими наблюдениями Тиландер, запивая водой еду.

– Это острова вулканического происхождения, видимо поэтому пока здесь мало флоры и фауны, – это единственное объяснение, что приходило мне в голову.

«Стрела» миновала проход между островами, ширина пролива не превышала километра, и вышла в открытое море.

– Курс? – уточнил Тиландер, хотя его мы уже обговаривали. В свое время я мечтал на Лазурный берег Франции. В той жизни этого сделать не удалось, но в этом мире вся планета практически принадлежала мне.

– Ориентир на Марсель, Герман.

– Хорошо, только ты неправильно назвал город, – в глазах американца плясали огоньки.

– Марсель, как его еще называть? – я искренне удивился.

– Предлагаю его называть Макселем, в честь того, кто по праву главный на планете, – Тиландер не шутил, его лицо оставалось серьезным.

– А Париж мы назовём Германиком? – вернул я шпильку.

– Зачем? В честь меня и так названа целая страна в старом мире – Германия.

– А ты изменился, Герман. Помню, ты был немногословным, даже немного замкнутым, когда попал сюда. А сейчас шутишь, подкальываешь, матросов гоняешь матами. Я столько ругательств на русском не знаю, сколько ты.

– Я их модифицирую, Макс, – американец реально разве-
селся, – в русском языке любое слово можно сделать ма-
терным, если есть желание.

– А в английском нет?

– А что в английском? – Тиландер пожал плечами, – одно
знаменитое «fuck». То ли дело в русском: только член можно
назвать двадцатью способами, а вагину так вообще сотней
слов.

– Да, Герман, ты походу больше русский, чем я, – весело
отозвался на его философские размышления.

– Не русский, Макс, а Рус. Русские, американцы, францу-
зы, арабы остались в той Земле, откуда мы родом. А здесь
есть всего три нации: Русы, кроманьонцы и неандертальцы.

– Ты забыл карликов, – Бер, внимательно слушая наш диа-
лог, ввернул фразу.

– Карлики – неандертальцы, – невозмутимо парировал
американец.

– А почему не кроманьонцы, – мне стало любопытно, как
он выкрутится.

– Они светлокожие, и у них внешнее сходство с нашим
Санчо, поэтому он так с ними игрался. – На минуту я даже
опешил: а ведь есть сходство в чертах лиц.

«Они хорошие, из нашего народа», – больно ворвалась в
голову мысль Санчо, лежавшего рядом с закрытыми глазами.

«Поэтому ты не почувствовал в них опасности», – сквозь
боль послал ответ.

«Да».

«И дал бы им убить меня, потому что они из твоего народа?», – не удержался от подколки, а спустя мгновение чуть не скорчился от боли из-за потока разгневанных и обиженных импульсов неандертальца, смертельно обиженного моим вопросом.

– Макс, Макс, что с тобой? – открываю глаза. Я лежу на палубе, а надо мной обеспокоенные лица Бера, Тиландера и парочки матросов.

«Прости Макш, я случайно», – голос Санчо преисполнен печали и отчаяния.

«Все нормально, сам виноват, глупости не следовало говорить», – кряхтя поднялся на ноги.

– Все нормально, просто немного поговорили с Санчо. Бер, остынь, это всё моя вина, – осадил сына, глаза которого пылали яростью. Бер хорошо относится к неандертальцу, но после телепатических сеансов я всегда замечал, что он злится. Меня эти сеансы выворачивали, такое общение мы с Санчо свели к минимуму. Неандерталец ушел на корму, он всегда так делал после подобных контактов. Первое время я не мог понять причину, пока чисто случайно не догадался. Санчо испытывал угрызения совести за боль, что мне причиняла телепатическая связь с ним.

До самого вечера ничего интересного не произошло, я спустился в каюту, наплевав на духоту. Открытый иллюминатор не давал притока свежего воздуха, пролежал до ночи

обливаясь потом. Все тело болело, словно меня засунули в мешок и отходили битами. Дважды вниз спускался Санчо, виновато потоптавшись у двери молча уходил. Я лучше других чувствовал сдерживаемую бурю эмоций в его душе, он боялся причинить мне боль. Пришел Тиландер узнать о моем самочувствии и попросить атлас, чтобы проложить кратчайший курс к Марселю. До Макселя, как его окрестил американец, оказалось более пятисот километров, практически двое суток пути. От ужина, принесенного Бером, отказался, меня тошнило, и аппетит совсем пропал.

Утром почувствовал себя заново рожденным: настолько велика разница между вчера и сегодня. Наверху сегодня ветрено, чувствовалось, что мы приближаемся к Европе, ветерок стал прохладнее. Чтобы занять себя, решил порыбачить: крючки и тоненькая бечевка теперь были в наборе у каждого воина. Это еще одно нововведение, за которым Лар и Бер строго присматривали. Кроме этого, в аварийном наборе у каждого воина имелся кремень и трут.

Первая поклевка чуть не оторвала мне руку: не отпусти я веревку, упал бы в море, настолько сильным оказался рывок рыбы. Самодельные крючки рассчитаны не для ловли карасей и сельди: длиной с мизинец и толщиной в три миллиметра крючки выдерживали и двухметровых рыб. Ко второй поклевке подошел осторожнее, привязав конец веревки к стояку борта. Почувствовав, что руку дернуло, сразу разжал: пару минут ничего не происходило, потом из воды на метр вы-

скочил тунец метра три в длину, с голубоватым отливом по спине и огромной пастью. Второго рывка веревка не выдержала, и рыба исчезла, унося крючок с остатками веревки.

Вторую ночь после отплытия с Сардинии я провел на палубе. Под утро даже стало немного зябко: над головой висели миллиарды звезд, среди которых мне показалось, что летит горящая точка. Протерев глаза, всмотрелся: красная точка медленно плыла по небу, немного выделяясь среди разноцветно сияющих звезд. Что это могло быть? Метеорит, астероид, отражавший свет звезд? Или МКС – неожиданная мысль заставила глубоко вздохнуть. Нет, это не может быть МКС, я покинул ее тринадцать лет назад, ей оставался максимум месяц до входа в плотные слои атмосферы, где станция превратилась в факел.

Моргнув, снова проследил за красной точкой: это точно не метеорит, скорость слишком мала. Хотя... если он летит очень далеко, тогда понятно, почему он так долго на ночном небосклоне. Скорее всего, астероид, но меня смущал один момент: однотонность точки, словно это работающий двигатель ракеты. Еще минут двадцать я наблюдал за красной точкой, пока та не скрылась в восточном направлении, спускаясь по ночному горизонту.

Утром мысль о красной точке на ночном небосклоне не давала мне покоя. Тиландер заметил мое состояние и атаковал вопросами, пока не рассказал ему о виденном.

– Это не может быть твой корабль?

– Исключено, Герман. Без корректировки с Земли и изменения орбиты МКС уже через месяц должна была сгореть в атмосфере. Она не может летать тринадцать лет без экипажа.

– Тогда это может быть спутник, ты же говорил, что на орбите земли крутились тысячи спутников.

– Тоже не вариант, у них другая орбита, и они находятся слишком далеко, чтобы их увидеть. Кроме того, цвет точки говорил, что высока вероятность работающего двигателя. Но это невозможно, думаю, это необычный метеорит, летящий по очень пологой орбите.

– Было бы неплохо, если бы из твоего времени к нам еще попали люди, – с этими словами американец вернулся к своей работе. Еще ночью меня посетила мысль, что это может быть космический корабль, попавший в такое же свечение, что и мы с Михаилом. Но потом я отмел эту версию: это Михаил так пофигистически отнесся к свечению. А любой другой космонавт отреагировал бы, адекватно изменив курс, не рискуя пролетать через неизвестное свечение.

«Если успел бы», – отозвался внутренний голос, столько времени не подававший признаков жизни.

До обеда мысли периодически возвращались к красной точке на небосклоне. Теперь я отчаянно желал наступления ночи, словно мог увидеть странную точку снова.

– Земля, Макс, мы находимся напротив Франции, попробую отыскать бухту Макселя, – Тиландер вернул меня из грез на землю.

– Добро пожаловать в Максель, – вслух произнес я, всматриваясь в темное пятно на западе. – Вот и Европа, бери ее голыми руками.

Глава 4. Твою мать

Максель в этом или Марсель в прежнем мире лежал в большой бухте, обращенной на юг. Уже на подходе стало ясно, что это место обжито довольно развитым племенем. У самого берега находилось поселение, состоящее из хижин полукруглой формы. У берега в воде находилось пять лодок, привязанных веревкой к кольям вбитым в песок. Хижины выглядели необычно и не походили на юрты кочевых народов, всего их около трех десятков, и над большинством вился дымок.

Невозможно было не заметить «Стрелу», появившуюся в бухте: толпа народа бегала по берегу, готовясь к бою. О готовности принять бой можно судить по оружию в руках у аборигенов. Наряду с дубинами, топорами и копьями у нескольких воинов в руках заметил что-то похожее на пращу.

В ста метрах от берега Тиландер скомандовал, и «Стрела» встала на якорь. Якорь потащило метров десять, и наконец шхуна остановилась.

– Макс, ты не пойдешь на берег, пока Бер все не разведает, – категоричность американца заставила меня опешить. Понимая, что его фраза прозвучала слишком грубо, Тиландер добавил извиняющимся тоном:

– Если с тобой что-нибудь случится, все пропало. Все, ра-

ди чего мы столько трудились, рассыплется, словно карточный домик. Ты не имеешь права так рисковать всеми нами и будущим империи Русов, которую мы все пытаемся построить.

– Хорошо, – признал я правоту его доводов, – но почему Бер? Я не хочу им рисковать, отправим рядовых воинов.

– Макс Са, я лучше справлюсь, кроме того, воины просто не смогут найти нужные слова, чтобы эти люди не боялись, – Бер деловито начал отдавать распоряжения воинам, не дожидаясь моего ответа.

Шлюпку спустили, кроме Бера и шестерых матросов в лодку прыгнули все десять спецназовцев Бера не желавших отпускать командира без охраны. За время наших манипуляций на берегу уже собрались, наверное, всё население. Навскидку там сейчас сновало до ста человек, половина из которых мужчины самых разных возрастов. Даже с расстояния ста метров видно, что аборигены достаточно светлые, даже светлее, чем Луома. Их можно принять за белых людей, проведших всю жизнь под солнцем.

Шлюпка направилась к берегу: в последний момент успел сунуть Беру пистолет Босси, а Тиландер без команды развернул ствол пулемета на деревню. Даже мои десять спецназовцев во главе с Бером уже представляют опасность для этой деревушки, не говоря о пулемете, направленном прямо на толпу.

– Ложитесь на песок, если начну стрелять, – крикнул Ти-

ландер Беру. Тот поднял руку в кулак и разжал, давая понять, что услышал. Шлюпка остановилась в десяти метрах от берега, и Бер начал диалог. Как назло, ветер дул в сторону берега, не давая расслышать, о чем говорит мой парламентар. Я видел, как Бер показывает рукой на корабль, несколько раз показал на небо. Большая часть воинов на берегу опустили оружие, с нескрываемым любопытством внимая чернокожему посланнику, чей цвет кожи должен бы их удивить. Около десяти минут продолжались переговоры, потом шлюпка пошла к кораблю.

– Я не понимаю их языка, но, кажется, они поняли, что ты Великий Дух с Неба. Они приглашают нас к себе, предложили еды, – с этими словами Бер закинул на палубу вяленую рыбу. – Местные кинули ее в шлюпку, рыба хорошая, не испорченная. Они не хотят драться с нами, – подытожил новоявленный парламентар.

– Герман, спускайте вторую шлюпку, оставь на корабле двоих матросов, остальные на берег. Чем нас больше, тем меньше соблазнов ссориться с нами.

Выслушав указание, Тиландер расшевелил матросов, слушавших рассказ Бера. Всего нас шестьдесят шесть: шестнадцать матросов, десять спецназовцев Бера, двадцать лучников, я, Санчо, Тиландер и Бер вместе с копейщиками.

Шестьдесят четыре человека еле поместились в две шлюпки, будь на море волнение, набрали бы воду: борта шлюпок возвышались над водой на десять сантиметров. Ко-

гда мы высадились на берег, местные сразу скукожились, увидев такое количество разномастных и разноцветных воинов. Особенно внимание приковывал Санчо, который по этому случаю облачился в броню и выглядел среди нас Голиафом. В каменном веке люди очень наивные: еще двадцать минут назад они готовились к бою, а сейчас удивленно цоккали языками, разглядывая неандертальца и других воинов. В свою очередь я рассматривал аборигенов, пытаюсь понять, откуда здесь появились довольно светлокожие люди.

Все местные высокого роста, мужчины практически не уступают мне, будучи лишь на пару сантиметров ниже. У них правильные черты лица, выдававшие в них кроманьонцев, длинные волосы у мужчин и женщин перехвачены тесьмой несколько раз, формируя примитивную косицу. Одеты местные в шкуры, но это не набедренные повязки и топы, а подобия платья-сарафана, что надевалось через голову. Меня больше интересовало оружие: увидев лодки в воде, необычную форму хижин и сеть, развешенную на кольях, ожидал увидеть продвинутое племя. Оружие меня разочаровало: копья с каменными наконечниками, топоры тоже каменные. Единственной новинкой оказалась праща, но до знакомства с ней следовало пообщаться с вождем.

– Макс Са, – громко сказал, постукивая себя по груди. Цоканье и возгласы стихли, воцарилась тишина: мой взгляд скользил по лицам воинов, пытаюсь угадать, кто из них вождь. К моему удивлению, вождем оказался старик с

седыми почти белыми волосами. Он появился с краю деревни, выйдя из лесной чащи, и заспешил в нашу сторону, увидев незваных гостей. Я снова, громко повторил свое полное имя:

– Макс Са Дарб Канг У Ра!

– Гапп! – старик коротко ответил и повторил мой жест. Несмотря на возраст, я ему дал бы все семьдесят, что в каменном веке могло считаться немислимым рекордом долгожительства, старик выглядел подвижным и полным сил.

Кладу на песок катану и, повернув руки ладонями к толпе, демонстративно показываю, что в них нет оружия. Старик вполголоса произнес короткую фразу, и все воины его племени побросали оружие на песок. Такая доверчивость могла бы им дорого обойтись, будь у нас плохие намерения.

– Ялат, – взяв меня за руку, Гапп повел в сторону хижины в форме юрты кочевников, накрытой шкурами животных.

– Бер, оставайтесь начеку, но местных не обижать, – успел шепнуть, прежде чем нырнуть за стариком в темное нутро хижины. Следом внутрь ввалился Санчо, держа мою катану, опрометчиво забытую мною. Внутри хижины оказалось на удивление прохладно: две женщины неопределенного возраста хлопотали у очага, что-то готовя в глиняном сосуде на углях. От горшка шел ароматный запах, и желудок призывно заурчал, вызвав звонкий смех одной из женщин, оказавшейся молодой девушкой примерно семнадцати лет.

– Сед, да койл, – сердито проворчал Гапп, пододвигая мне

сложенную стопкой шкуру. Что-то меня беспокоило несмотря на все радушие принимавшей стороны. Пока женщины наливали жидкое варево в глиняные горшочки размером поменьше, меня словно торкнуло: лодки, горшок, выдерживающий огонь, жидкая пища. Все это не вязалось с примитивным оружием. И старик, которому явно не меньше семидесяти лет, являющийся вождем, чьего слова достаточно, чтобы все воины побросали оружие. Передо мной поставили горшочек и когда мне всучили ложку, вырезанную из дерева, я чуть не проглотил язык от удивления.

– Ялат, – повторил старик, показывая личным примером, как нужно использовать ложку. Словно заторможенный, я вслед за ним набрал в ложку варева и пролил себе на лодыжку, дернувшись от руки Санчо, которую тот положил мне на плечо. Боль адская, не сдержавшись, вскочил с места, выкрикнув в сердцах:

– Санчо, твою мать, придурок!

– Макш, – обиженно проворчал Санчо, отодвигаясь в сторону, а в следующую секунду я уже бросился оказывать помощь старику, рот которого застыл в немом крике, а побагровевшее лицо различимо даже в полутьме хижины. Первой мыслью мелькнуло, что старик поперхнулся, не раздумывая, поднял сухонькое тело и применил прием Геймлиха. Не знаю, что было во рту старика, но прием сработал: он со свистом выдохнул и отчаянно заколотил меня по рукам, прося ослабить хватку. С визгом обе женщины выскочили

наружу, секунда, и аборигены решат, что их вождя убивают.

Гапп отчаянно пытался что-то сказать, но я, схватив его за шкуру поволок к выходу, чтобы предотвратить столкновение. Боль от ожога исчезла в ожидании Большого Песца, что мог разразиться с минуты на минуту. Когда выскочили наружу, увидел, что женщины успели поднять ложную тревогу: аборигены ринулись на моих воинов с голыми руками, так и не взяв свое брошенное оружие.

– Прекратить, не убивать! – даже сквозь шум мои воины услышали приказ: ловко укорачиваясь от противника, подсечками укладывали аборигенов на песок.

– Скажи своим, чтобы успокоились, или я перебыю всех до одного, – старик по интонации понял, о чем речь и гортанно крикнул:

– Ма лат, са тох! – После его слов аборигены мгновенно успокоились, тем более что говоривший оказался жив и здоров, и, судя по всему, ему ничего, не угрожало.

– Бер, ко мне! – командир спецназа мгновенно очутился рядом:

– Передай воинам, что, если кто обидит местных, спущу шкуру. Произошло недоразумение, все нормально. Нам ничего не угрожает. Сейчас мы со стариком вернемся в хижину...

– И dokonчим обед, – на чистом русском языке проговорил Гапп, приосанившись. Вначале я подумал, что ослышался, даже покрутил головой, чтобы убедиться, что никто из

наших меня не разыгрывает. Первым в себя пришел Бер:

– Макс Са, он знает наш язык! – изумленный Бер вытаращился на старика, словно увидел живого дракона.

– С каких пор русский стал языком шоколадок? – Старик смотрел на меня сияющими глазами. Я сглотнул, у меня точно глюки, сейчас приедет «скорая», и меня отвезут в дурку. И окажется, что все приключения, произошедшие со мной, просто плод больной фантазии.

– Ты русский? – словно во сне спросил я старика, чьи очертания стали расплываться.

– Я советский гражданин, но этнически я русский, – словно сквозь толщу воды донесли слова. Усилием воли встряхнул головой: ничего не изменилось. Бер с вытаращенными глазами, несколько воинов, что находились ближе к нам, также в состоянии шока, и старик, протянувший мне руку:

– Позвольте представиться, Александров Владимир Валентинович, физик-ядерщик.

– Макс, Максим Серов, капитан военно-космических сил Российской Федерации, – автоматически пожал руку, все еще не веря происходящему.

– Максим, как вас по отчеству?

– Сергеевич, – отвечаю на автомате, не понимая, как среди дикарей оказался старик, прекрасно говорящий на русском.

– Максим Сергеевич, пойдете в дом, нам предстоит долгий разговор, – старик повернулся и вошел в юрту-хижину,

за ним прошмыгнула женщина и девушка.

– Бер, я не сплю? Он точно говорит на языке Русов?

– Да, Макс Са! Может, это злой Дух и хочет навредить тебе, я пойду с тобой, – рука приемного сына ложится на рукоять катаны.

– Не думаю, что он злой Дух, сейчас все узнаем, – как сомнамбула захожу внутрь, где обе женщины теперь смотрят на меня как на божество, кланяясь чуть ли не до земли.

– Садитесь, Максим Сергеевич, отведайте, чего Бог послал. Раньше атеистом был, а к старости и про Бога вспомнил. – Старик говорил без умолку, не давая вставить мне и слова. Наконец, словно устыдившись, замолчал, произнеся напоследок:

– Больше тридцати лет не говорил на русском, пытался дикарей учить, да кроме Сед никто толком язык и не выучил. А я их язык освоил за месяц, оно и понятно, язык легкий, словарный запас ограничен тем, что ежедневно встречается им в жизни. А философия и иные высшие материи им просто не нужны. Я вижу у вас есть вопросы, Максим Сергеевич, задавайте, я готов отвечать.

– Как вы сюда попали, Владимир Валентинович, – с трудом вспомнил имя отчество своего визави. Бер и Санчо готовые в любой момент накинуться на старика внимательно слушали, стоя по бокам от меня.

– Максим Сергеевич, скажите своим людям, что вам ничего не угрожает, пусть сядут и поедят рыбный суп, для ухи,

к сожалению, здесь не нашлось ингредиентов.

– Бер, Санчо, садитесь, не мозольте глаза.

Оба телохранителя опустили и принялись хлебать рыбный суп не спуская глаз с моего собеседника.

– Прежде чем рассказать, как я очутился здесь, пару минут предыстории, – Владимир Валентинович заерзал, удобнее устраиваясь, и начал:

– Я родился в 1938 году...

Минут десять я слушал сильно сжатую биографию сидящего напротив человека, практически пропуская мимо ушей ненужную информацию. Мое внимание привлекла одна фраза, и я стал слушать внимательнее. Александров, уйдя в воспоминания, даже немного прикрыл глаза, рассказывая о своих приключениях.

– На следующий день после окончания конференции в Кордове по безъядерному миру я вернулся в Мадрид. Второго апреля вылетал мой самолет на Москву, до отлета оставались почти сутки. Около пяти вечера я вышел, чтобы прогуляться по улицам Мадрида, выпить кофе на террасе кафе рядом с отелем. Стояла теплая погода, скорее характерная для мая. Какой кофе там готовили... в Москве такой просто нереально найти, – отвлекся Владимир Валентинович.

– Что произошло дальше? – Мне не терпелось узнать, как человек, находясь далеко от Бермудского треугольника, попал в этот мир и в это же время практически одновременно со мной и американцами.

– Мне принесли кофе, я помню, что официантка была блондинка, обычно испанки брюнетки. И еще она улыбалась, словно была рада меня видеть. – Старик снова пустился в воспоминания, упоминая сногшибательную фигуру блондинки. Пришлось его одернуть:

– Владимир Валентинович, фигура блондинки не дает ответа, как вы здесь оказались.

– Это все!

– Что все? – переспросил я, не понимая, что он хочет сказать.

– Это все, что я помню, талия и покачивающиеся бедра официантки. Проснулся уже в этом мире на сырой земле, рядом с гниющим трупом мамонта. Лежал я на песке, у самой линии воды, как я туда попал, ума не приложу.

– Подождите, – мне пришлось сделать усилие, чтобы не повысить голос. – Вы хотите сказать, что выпили кофе, посмотрели на зад официантки, а в следующее мгновение проснулись в каменном веке другой Вселенной?

– Именно так, молодой человек! – торжествующе вскричал Владимир Валентинович, – теперь вы понимаете, почему моя ассоциация с прежней жизнью так зациклена на блондинке-официантке?

– Владимир Валентинович, вы несете чушь, – в сердцах воскликнул я, – так не бывает, чтобы человек пил кофе в самом сердце густонаселенного города, а в следующую минуту попал на десятки тысяч лет назад.

– Максим Сергеевич, – ласковым голосом обратился ко мне старик, – а скажите по какому алгоритму попадают в прошлое, если вы знаете больше моего. Нужно произнести магические слова или знать тайные формулы, а может сплести и загадать желание?

Этот старпер откровенно издевался надо мной. Подавив желание съязвить, ответил:

– Я попал сюда, находясь на космической станции, которая пролетела через непонятное свечение. Американцы попали во время учебного вылета из Форта-Лодердейл, что находится в Майами. Их путь пролегал над Бермудским треугольником, как, возможно, и траектория полета МКС во время прохода через свечение.

– Возможно? То есть вы даже не знаете траекторию полета во время пролета через свечение? Вы, кажется, космонавт, Максим Сергеевич? И вы упомянули Российскую Федерацию? Что стало с Союзом? Распался? Значит расчет американцев на «меченного» оказался правильным? В каком статусе наша страна, с какого года вы попали в это место? О каких американцах идет речь? Здесь есть американцы? Вы не в курсе, что мы в состоянии «холодной войны»? И до какого состояния деградировала наша космонавтика, если космонавт даже не знает траекторию своего полета во время прохождения через необычный феномен.

Слова собеседника били по гордости и задевали самолюбие, но любопытство пересилило:

– И у вас даже нет теории, как вы сюда попали из нашего времени? – Мне было трудно поверить, что ученый не пытался разобраться в том, что случилось.

– Теория есть, но любая недоказанная теория абсурдна, – ученый выдержал паузу и спросил:

– Вы слышали словосочетание «Филадельфийский эксперимент»?

– Что-то связанное с перемещением корабля? – Я краем уха слышал про это, но не было фактов, подтверждающих достоверности тех событий.

– Так, вот, – Александров поднялся и прошелся по маленькому помещению, – я думаю, что эксперимент тот был удачным и американцы имели возможность переносить предметы и людей на расстояния. И моя единственная недоказанная теория гласит, что меня выкрали для переправки в США, используя тот же принцип перемещения. Но что-то пошло не так, и я очутился здесь. Иного объяснения у меня нет!

– Это бред, вы же ученый! Такие открытия невозможно держать в тайне, должно быть другое объяснение, – теперь уже я начал говорить на эмоциях.

– Максим Сергеевич, это единственное правдоподобное объяснение, но знаете, что меня беспокоило больше всего все эти годы?

– Что, Владимир Валентинович?

– Что случилось с теми, кто по логике вещей, должен был сопровождать меня в процессе перемещения в США.

– И к какому выводу вы пришли?– Задавая вопрос, я уже предвидел возможный ответ.

– Возможно, что в одном временном промежутке со мной, в этот мир попал один или несколько американцев. И если тот человек или эти люди выжили, где-то а планете строится государство, которое может в будущем создать проблемы всем нам. Но у меня есть к вам вопросы, надеюсь вы сможете на них ответить, это ведь не сложные космические навигационные расчеты.

– Владимир Валентинович, прежде чем ответить на ваши вопросы, попрошу вас воздержаться от оскорблений. Я прежде всего медик, навигацией занимался мой товарищ, руководитель миссии. А что касается «холодной войны», то она давно закончена.

– А знаете, почему «холодная война» не перешла в ядерную, – успокоившись спросил Александров.

– Ну так все боялись «ядерной зимы».

– Верно, – улыбнулся старик, – перед вами, Максим Сергеевич, автор концепции «ядерной зимы», это я не допустил уничтожения человечества. Но вместо регалий и почета доживаю свои дни в каменном веке, окруженный дикарями. «Nos est fatum», – печально вздохнул старик, а теперь моя очередь узнать, что произошло с СССР после моего исчезновения.

Глава 5. Иван Калита

Требовалось осмыслить информацию, полученную от физика-ядерщика, считавшего себя мессией, спасшей планету от ядерной войны. Потом можно и рассказать историю страны с момента прихода к власти Горбачева.

– Владимир Валентинович, хочу поесть ваш чудесно пахнущий рыбный суп, чтобы не торопясь на сытый желудок рассказать вам все.

– Чудесно, моя Гед очень вкусно готовит. Гед – это моя вторая жена, Сед моя дочь, – пояснил мой соотечественник.

– А где первая жена?

– Съели неандертальцы, – самым обыденным тоном произнес Александров, словно речь шла о яичнице на завтрак.

– Мои соболезнования, – выдавил я с набитым ртом. Уха или скорее рыбный суп реально был вкусный, а куски рыбы в нем оказались без костей.

– А, пустое, ее нельзя назвать хорошим человеком, она досталась мне от убитого мной вождя, прежде чем я стал вождем племени. Я ведь когда очнулся на земле, вначале ничего не понял. Вижу труп мамонта, сразу подумал про козни американцев, что это розыгрыш, и меня скрытно снимают, проверяя реакцию. Но нет никаких признаков цивилизации: самолетов в небе, кораблей в море, линий электропередач, мусора. На земле нет места, где человек не оставил после

себя следов, особенно это бывает заметно по побережью. А здесь, девственно чистое побережье, если не считать трупа мамонта.

– Угу, – подтвердил я, прихлёбывая суп.

– Когда появились гиены, настоящие, живые, сомнения в розыгрыше отпали. Доставить стаю гиен в Испанию и выпустить их на волю не под силу даже американцам. Кстати, Максим Сергеевич, а про каких американцев в этом времени вы говорили?

– Это два человека выжившие из пропавшего в декабре 1945г звена самолетов, – оторвался я от горшочка, сожалея, что суп закончился.

– Хотите добавки? Гед, налей еще нашему гостю, – на русском велел физик. Пока Гед наливала суп, а Сед скрытно меня сканировала, вспомнил про Тиландера.

– Владимир Валентинович, вы не против, если приглашу Германа Тиландера присоединиться к нам?

– Да ради Бога, – махнул старик рукой. Бер молча вышел и вернулся минуту спустя вместе с американцем.

– Здравствуйте, – вежливо произнес Тиландер, садясь по моему знаку рядом.

– И вам не хворать, – добродушно отозвался Владимир Валентинович, и перейдя на великолепный английский, минут пять подвергал Тиландера форменному допросу. Я сидел, хлопая глазами, такое знание языка мне не снилось. Американец тоже был ошеломлен, и в его взгляде читалось

уважение к человеку, сохранившему знание иностранного языка на таком уровне.

– Ладно, американцы не всегда были занозой в заднице, по этому парню видно, что он не подвержен антисоветской агитации, – на русском констатировал физик, довольный общением с Тиландером. Но тот в следующую минуту удивил старика, доставив мне удовольствие фразой:

– Здесь нет американцев, русских или французов. Есть Русы, неандертальцы и кроманьонцы. Как американская нация сформировалась из разных народов, так сейчас формируется нация Русов из разных племен и рас.

– Продолжайте свой рассказ, Владимир Валентинович, – поспешил я вклиниться, опасаясь, что физик коммунистической закалки начнет ненужные дискуссии. Но Александров по достоинству оценил слова Тиландера, крепко пожимая ему руку. Старик на пару секунд погрузился в воспоминания и продолжил:

– Я ведь первым в Союзе начал выдвигать гипотезу существования параллельных миров. При виде гиен и трупа мамонта я практически не удивился. Возбравшись на дерево, просидел весь остаток дня и ночь, пока гиены не ушли, оставив кости. Ночью расположение звезд подтвердило, что я либо в далеком прошлом Земли, либо в другом мире. Что у меня с собой было? Мой твидовый костюм, ботинки из крепкой буйволовой кожи, прикупленные в Кордове, да немного наличности в карманах. Носовой платок и очки для чтения.

Никаких спичек, я не курю, ножа тоже нет. Ученый с ножом в кармане – признак дурного тона. – Александров глубоко вздохнул, заново переживая момент своей адаптации на новом месте.

– Мадрид находится много южнее Марселя, а мы сейчас там, где в наше время располагался этот портовый город. Как вы здесь оказались, ведь это сотни километров пути. Для невооруженного человека это практически смертный приговор.

– Тысяча, – откликнулся Александров.

– Что тысяча? – переспросил Тиландер, внимательно слушая рассказ физика.

– От Мадрида до этого места по прямой тысяча километров, – пояснил Владимир Валентинович, и не дожидаясь наших вопросов, продолжил.

– Я принял решение идти в сторону Восточной Европы, чтобы наткнуться на людей.

– А почему туда? – синхронно воскликнули мы с американцем.

– Молодые люди, вы в школе не учились? Центр человеческого развития Европы – это примерно территория от Балкан до Кавказа. Не обращайтесь внимание на термины, гейдельберг, кроманьон, неандертал. Это все европейские ученые приватизировали это право. На эти территории, древний человек попадал, только пройдя Кавказские ворота и Балканы. Именно с этих мест началось заселение Европы обеими

видами древних людей.

– Продолжайте Владимир Валентинович, мы вас внимательно слушаем, – я толкнул Тиландера в бок, чтобы не перебивал.

– На третий день моего путешествия я попал на человеческие следы. Понимая, что рискую быть убитым, последовал по следам и наткнулся на племя, которое в этот момент отчаянно сражалось с неандертальцами. Я, подхватив крепкий сук, смог вырубить одного из нападавших, зайдя со спины. Воодушевленные Наки, так звалось это светлокожее племя, смогло одержать верх, и меня встретили гостеприимно. Семь лет мы кочевали по территории Испании, не уходя от места нашей встречи больше чем на сто километров.

Александров замолчал, пару минут было слышно, как на огне бурлит вода в горшке.

– Гед, неси нам чай, – распорядился физик, вызвав у меня закономерный вопрос:

– Вы завариваете листья малины?

– Нет, у меня есть чай: обычный черный и степной, его еще называют у нас калмыцким, – самодовольно усмехнулся Александров, наблюдая, как моя челюсть свисает.

– Разве чай родом не из Китая?

– Чай, известный нам по прошлой жизни, из Китая. Но десятки тысяч лет назад он рос повсеместно, пока развивающееся животноводство в Европе его не уничтожило под корень. Я нашел чай в Испании, пересадил его, культивирую

много лет. Не поручусь, что он на уровне лучших сортов индийского, но краснодарскому и азербайджанскому точно не уступит. Впрочем, оцените сами.

Послушалось журчанье, и запах свежезаваренного чая поплыл по комнате, вызывая ностальгию по маминому чаю. Когда передо мной поставили пиалку, я чуть ли не обжигаясь сделал первый глоток.

– Сахара у меня нет, но, Впрочем, чай, как и кофе, следует пить без сладкого. Углеводы портят вкус этих напитков.

– А у нас есть ячмень и пшеница. Мы выращиваем яблоки и оливы, – я не удержался, чтобы не похвастаться, но вызвал только смех Александра.

– Дикорастущая пшеница и ячмень встречаются повсеместно в этих широтах. Но, Впрочем, это хорошо, что вы смогли ее окультурить. Я закончу свой рассказ, тем более что осталось совсем немного, и выслушаю ваши приключения. А пока пейте чай и наслаждайтесь, под воспоминания старика.

– Владимир Валентинович, простите за вопрос, сколько вам лет?

– Мне было сорок семь, когда я попал сюда. Сейчас тридцать третий год, как я живу в этом мире, думаю, мне восемьдесят, – хитро улыбнулся Александр.

– Вы выглядите на шестьдесят, – слукавил я, хотя больше семидесяти при всем желании ему не дать.

– Все дело в здешнем климате, экологии и содержании кислорода в атмосфере.

– Кислород-то при чем? – задавая вопрос, пожалел, предвидя очередную насмешку физика.

– Озоновый слой очень мощный, очень хорошо задерживает губительное космическое излучение, отсекая ультрафиолет определенной длины. Как следствие, ткани и органы повреждаются меньше. Кроме того, пища натуральная, нет необходимости идти на работу и психовать из-за жены. Нет дефицита сна, что является главным фактором сокращения человеческой жизни.

– И нет ипотеки, и кредитной зависимости, – вставил я свои пять копеек в монолог Александра.

– Это зло капиталистического запада добралось и до нас? – нахмурил физик белые брови.

– Ну не всегда оно зло, – попытался сгладить свою оплошность, – вы остановились на семи годах кочевки по Испании.

– Да, – с готовностью подхватил нить разговора ученый, – вот тогда и случился конфликт с вождем, не желавшим идти на север. Чтобы убедить племя пришлось бросать вызов вождю и победить его. Правда бонусом досталась его старуха, но у Нака женщины всегда были в дефиците.

– Нам бы этот дефицит, – пробормотал я, вспоминая двукратное численное превосходство женщин над мужчинами среди Русов.

– Максим Сергеевич, вам сама природа дает возможность размножаться и захватывать новые территории. Среди Нака очень высока гибель рожениц, поэтому племя никак не

может обрести «мясом». Но вернемся к моим приключениям, – продолжил Александров, ставя пустую пиалу на столик. – Два года мы курсировали по побережью Средиземного моря, пока не пришли именно в это место, казавшееся крайне удачным. С севера горная цепь прикрывает от арктических циклонов, благодаря чему даже зимой комфортная температура.

– Здесь идет снег? – прервал я рассказчика.

– В конце января, буквально пару раз. Но температура редко опускается ниже нуля. Всю зиму с юго-востока идет фронт теплого воздуха. Есть четкое разделение по временам года, лес в горах смешанный. Живности много, но самое главное, почва крайне богата минералами. Совсем недалеко от нашей стоянки есть залежи каолиновой глины, из нее, кстати, вся огнеупорная посуда.

– Владимир Валентинович, обратил внимание, что наконечники копий ваших воинов каменные. Вам с вашими знаниями не составило бы труда освоить процесс плавки железа.

– А зачем мне железо? – Ответ ученого ошаршил.

– Как зачем? Каменные наконечники для оружия ничто по сравнению с железными, да и с железом легче. Ведь в эволюции человека не просто так каменный век сменился бронзовым и железным.

– Дайте сюда вашу саблю, – Александров вытащил из-за пояса небольшой каменный нож коричневатого цвета с ру-

коятью из дерева. – Полагаю, ваша сабля из стали, а не из простого железа, если судить по звуку, – произнес физик, прислушиваясь к затухающему звуку металла.

– Да, и смею заверить, сталь у нас отменная, – не упустил я случая похвастать.

– Вот вам мой каменный нож, попробуйте его поцарапать своей саблей. Можете даже разрубить, – с этими словами Александров протянул мне нож.

Орудие труда представляло из себя подобие лезвия с разной толщиной. Цвет клинка темно-коричневый, по структуре напоминает оплавленное стекло. Несколько моих попыток нанести след не принесли успеха. Разозлившись, даже несколько раз ударил по клинку ножа, получив замятину на лезвии катаны.

Физик-ядерщик с явным удовольствием наблюдал мои потуги. Он рассмеялся и протянул руку:

– Теперь моя очередь, – получив катану и свой нож, быстрым движением провел вдоль по клинку катаны и протянул мне:

– Смотрите, Максим Сергеевич!

Отчетливо выраженная царапина протянулась практически на всю длину катаны. Глубина царапины явственно ощущалась пальцем, словно каменный нож физика убрал сталь с поверхности клинка.

– Это алмаз? – спросил первое, что пришло в голову.

– Почти угадали, это вещество лонсдейлит или гексональ-

ный алмаз, образующийся при падении метеоритов. У нас на кафедре шли споры, что крепче лонсдейлит или алмаз. Для меня очевидно, что лонсдейлит, жалко нет коллег, чтобы им это показать.

– И много у вас такого лонсдейлита?

– Все наше оружие из него, – улыбнулся старик, – так нужно ли мне было морочиться с железом, если под рукой у меня вещество в разы превосходящее лучшую сталь?

– Нет, вы правы, – я вынужден был согласиться, – а в вашем кратере еще есть лонсдейлит? Хотя бы на пару ножей?

– Есть, Максим Сергеевич, не переживайте. Но, прежде чем я вас осчастливию данным материалом, мне хотелось бы выслушать вашу историю, чтобы я мог принять верное решение.

– Решение о чем, Владимир Валентинович?

– Потом, потом, – суетливо замахал руками физик. – сейчас мы выйдем, чтобы наши люди чувствовали себя свободнее, распорядюсь, чтобы ваших воинов покормили, и потом я готов вас выслушать. По итогам вашего разговора приму важное для себя решение, надеюсь, вы меня поддержите.

– Конечно, поддержу, – горячо заверил старика, но тот перебил меня, – не торопитесь соглашаться не выслушав. Ваша горячность может стать проблемой не только для вас, но и для ваших людей. В моих глазах вы уже выглядите несмышленным юношей, а не здоровым мужем.

После таких обидных слов Александров вышел наружу,

следом выкарабкался я. Десяти минут хватило, чтобы его люди развели несколько костров, и местные женщины приступили к варке рыбного супа. Из домов-юрт появились глиняные горшочки, вырезанные из дерева ложки. Площадь перед хижинами стала похожей на муравейник, где каждый знал свое дело. Глядя на согласованность действий местных, я даже позавидовал: все делалось молча и быстро. Мои люди взирали на это с открытыми ртами: приготовление обеда напоминало перестроение копейщиков Лара, так синхронно работали женщины Нака.

Полчаса спустя суп приготовился, и все приступили к трапезе.

– Максим Сергеевич, покажу вам свою чайную плантацию. Там у меня есть уголок отдыха, где мы спокойно побеседуем.

Сопровождаемые неизменными Бером и Санчо, мы прошли около двухсот метров и подошли к изгороди из колючего кустарника, простиравшейся на двести метров. Александр снял фрагмент изгороди, освободив проход:

– Проходите.

Картина, увиденная внутри, достойна кисти художника: ровные ряды кустов темно-зеленого цвета уходили в северном направлении.

– Это чай, Максим Сергеевич!

Ширина чайного поля всего десять метров, за ней следовали посадки другого растения, ланцетовидные листья кото-

рого торчали на сантиметров десять в высоту:

– А это репа. Ее сажаю всего третий год, плоды маленькие, не больше грецкого ореха. Продукт незаменимый для иммунитета и при простудах.

– Как, откуда? – меня хватило только на два этих вопроса.

– Все под ногами, Максим Сергеевич, только нужно уметь искать. Вы же не думаете, что все овощи попали на Землю в античные времена или в династическую эпоху Египта? Это все было всегда, просто люди не замечали и не умели использовать. Но мы-то современные люди и должны понимать пользу овощей.

Аргументы старика просто убийственны, но когда мы перешли к следующей делянке, я потерял дар речи:

– Это, это лук? – наконец удалось выговорить при виде стройной зеленой поросли ровными рядами уходящей вдаль.

– Правильно, это дикий лук. Седьмой год культивации, есть уже изменения в сравнении с диким предком, но до современного лука еще далеко.

Четвертая делянка явно больше остальных, и росло здесь что-то непонятное. Из самой земли, не имея ствола выходили странные скрученные листики, которые переплетаясь, образовывали подобие пучка дикорастущей травы с широкими листьями. Увидев, что я остановился, Александров подстегнул меня:

– Если угадаете, что это, с меня подарок.

– Сдаюсь, Владимир Валентинович, – у меня нет никаких

вариантов, увиденное не вызывало знакомых ассоциаций.

– Жаль, ведь этот овощ крайне нужен вам, особенно если вы делаете длительные морские переходы.

– Неужели капуста?

– Именно, – торжествующе воскликнул садовод-любитель. Думаю, это предок капусты, которая со временем даст и белокочанную, и брюссельскую.

– Владимир Валентинович, примите мое искренне восхищение, вы просто Гуру, – искренне воскликнул я, пораженный способностями этого человека.

– Полно вам, Максим Сергеевич. Попади вы в мою ситуацию, сделали бы то же самое. Подозреваю, что ваши стартовые возможности оказались куда лучше, поэтому вам не пришлось обнюхивать и пробовать на вкус каждый корешок, чтобы не умереть с голоду. Я готов выслушать вашу историю, постарайтесь ничего не пропускать и не приукрашивать.

Мы присели на камнях, удачно расставленных в тени раскидистого дерева на самой границе посевов. Рассказывал я долго, больше трех часов. Старик перебил всего пару раз, задавая уточняющие вопросы. Когда закончил рассказ, во рту пересохло, словно не пил воду несколько дней.

– Так вы, батюшка, Иван Калита? – вопрос Александрова сбил меня с толку. Не давая мне ответить, физик продолжил: – Был такой правитель в Древней Руси, «собиратель земель русских». Вы решили создать цивилизацию, допуская сплошные ошибки, с момента как увидели свечение на ор-

бите.

– Владимир Валентинович, я хотел выжить, а для этого требовалось создать армию, сильное племя и двигаться к созданию государства.

– Простите, голубчик, – необыкновенно проникновенным голосом возразил Александров, – вы не выжить хотели, а править. Вас обуяла гордыня, а это смертный грех. Вместо того, чтобы развивать свое племя, вы шарахаетесь по всему Средиземному морю, словно волк в овчарне. Вместе с тем, в вас есть стержень и сила воли, но ваш юношеский максимализм, право, не знаю, стоит ли просить вас об услуге, что у меня на уме...

– Что это за услуга, вы обещали сказать, Владимир Валентинович?

– Нет, юноша, я передумал. Это был бы худший вариант из всех возможных, – Александров выпрямился. Вместо усталого сгорбленного старика на меня смотрел властный седой мужчина в годах, в его глазах застыл вызов.

Глава 6. Разбор полетов

На минуту пелена гнева затмила способность трезво размышлять и оценивать ситуацию. Я забыл, что передо мной находится ученый с мировым именем, пропавший в 1985 году, забыл, что мы оба находимся в каменном веке, забыл, что представляю интересы целого народа. Сжав кулаки, сделал два шага, собираясь как следует врезать обидчику, но вовремя опомнился. С глубоким выдохом уходила обида и гнев, вызванный последними словами Александрова. Разжав кулаки, сглотнул и посмотрел на старика, в глазах которого читалось удовлетворение.

– Так я и думал. Мальчик, мгновенно вскипающий от правды, что ему неприятно, но претендующий на роль правителя каменного века. Жаль, Максим Сергеевич, имея в запасе десятки лет, вы не построите жизнеспособную империю. Вы захватите много земель, приведете к покорности многие племена, но все это рухнет с вашей смертью.

– Мои дети, – робко запротестовал, пытаясь не встречаться с обличающим и тяжелым взглядом старика.

– Ваши дети – ваша копия. Старший, Миха, способный и тихий мальчик. Он олицетворяет вашу спокойную сторону, но ему, по вашим словам, не хватает стержня. Второй, наоборот, слишком импульсивен. Кто из них продолжит начатое вами? – На этот вопрос у меня нет ответа, на пару ми-

нут установилось гнетущее молчание, прерванное Александровым: – Но не все так плохо, Максим, – старик впервые назвал меня просто по имени. – Ваш противоречивый характер – следствие неправильного воспитания и ограничения в свободе выбора, установленного вашими родителями.

– Мне казалось, я многое делаю правильно, – скорее для себя пробормотал, понимая, что во многом старик прав.

– Максим, вы хотите понять, что вы делали неправильно? Получить, так сказать, «разбор полетов»?

– Хочу, Владимир Валентинович, что же я делал неправильно?

– Все! – голос Александра прозвучал как смертный приговор.

– В смысле все? Вы имеете в виду, с момента как приземлился, покинув станцию?

Александров неторопливо вырвал пару сорняков между грядками с капустой и лишь, потом устало ответил:

– Нет, Максим, гораздо раньше. С момента выбора профессии врача, коим вы так и не стали. – Увидев, что я открыл рот, физик продолжил, не давая вставить мне и слова: – Вы закончили мединститут и получили диплом врача, но врачом от этого не стали. Вместо того, чтобы лечить людей, ходить по участку, выслушивать таких стариков, как я, или оперировать тяжелых больных, вы выбрали космическую медицину. Проблема в том, Максим, что космическая медицина – это такая же наука, как алхимия в Средние века. Алхимия

тоже основывалась на химии, но занималась тем, что не может быть и не существует. Так и космическая медицина: люди по-настоящему в космос не вышли, болтаются на околоземной орбите. А целую отрасль выдумали, да еще и название звучное дали «космическая медицина». Вы улавливаете мою мысль?

– В общем да, но мы изучаем влияние космоса на человеческий организм, – предпринял слабую попытку защититься.

– Что конкретно вы делали на МКС во время вашей миссии? – в лоб спросил ядерщик, сверля меня взглядом.

– Снимал показания с датчиков, прикрепленных к телу человека, проверял артериальное давление, делал УЗИ сердца. Проверял уровень радиации и воздействие его на человеческий организм, и...

– Просто бил баклуши, – жестко закончил за меня фразу Александров. – Все, что вы делали, способен сделать лаборант, имеющий средне-специальное образование. Или даже космонавт обычного профиля после нескольких учебных занятий.

– Владимир Валентинович, почему вы стараетесь вывести меня из равновесия? Вам так нравится издеваться, или вы преследуете определенную цель?

Мой вопрос рассмешил Александрова, вместо ответа он посмотрел в сторону севера и серьезно заметил:

– Налетит буря, может, стоит отвести ваш корабль немно-

го в сторону? Правда непогода дойдет к нам лишь к ночи, что касается вашего вопроса, молодой человек, мои слова просто тест. Вы не знаете, каким психологическим проверкам на устойчивость нас подвергали в КГБ. Все-таки допуск к государственным тайнам и стратегическим разработкам. – Старик замолчал, переживая события давно минувших лет и продолжил: – Пойдемте к вашим людям, проснувшись, они могут натворить дел, не оценив правильно обстановку. Не хотелось бы вас лишать вашего почетного эскорта, товарищ император каменного века.

Издевку в свой адрес я пропустил мимо ушей, но слово «проснувшись», меня насторожило.

– Что вы хотите сказать, Владимир Валентинович, почему вы решили, что мои люди спят и, проснувшись, начнут буйнить?

– Потому что я знаю, что все они спят, кроме шоколадки и гориллы, что ты держишь в телохранителях, – злым жестким голосом проговорил Александров, направляясь в сторону выхода из огороженной делянки.

«Га, будь наготове», – послал мысленный сигнал Санчо, который тронув плечо Бера, в свою очередь призвал последнего к бдительности. По мере приближения к хижинам все отчетливее и пугающей становилась тишина. Вместо шума поселения, живущего полной жизнью, бряцанья оружия, что всегда сопровождало моих воинов во время привалов, стояла мертвая тишина. Выйдя из-за линии домов-юрт, я оста-

новился как вкопанный: на песке в разных позах лежали мои воины. Казалось, что люди умерли пораженные внезапным недугом. Но мерно вздымающаяся грудь воинов и храп свидетельствовали о глубоком сне. Ни одного аборигена не видно, я быстро обвел взглядом хижины-юрты, пытаюсь понять, где они спрятались.

– Их здесь нет, все жители в безопасности и далеко, – ответил на невысказанный вопрос Александров, не моргнув глазом при виде взбесившегося Санчо.

– Как, зачем, когда они проснутся? – три вопроса сорвались с моих губ, одновременно успев послать сигнал Санчо не трогать старика.

– Грибы, наглядный урок твоей беспечности, через пару часов, – лаконичней некуда ответил физик одной фразой на мои вопросы. На палубе «Стрелы» разглядел вахтенных, также, видимо, погрузившихся в глубокий сон. И тогда, я, наверное, совершил самый правильный поступок за все тринадцать лет своего пребывания на Земле.

– Владимир Валентинович, я счастлив, что встретил вас. Не будь вас, я бы никогда не понял своих ошибок, и обязательно привел бы свой народ к гибели. Кто я перед вами? Мальчишка, несостоявшийся врач и весьма посредственный космонавт. Вы человек с мировым именем предотвративший ядерную войну. Каждое ваше слово – истина, и мне жаль, что эти тринадцать лет вас не было рядом. Ведь тогда все пошло бы по-другому. Не случилось бы столько ошибок и потерь.

Самое интересное, что говорил я искренне, Александров это почувствовал, его взгляд потеплел:

– Максим Сергеевич, все не так плохо. После развала советского образования следовало ожидать ухудшения, но мне приятно, что вы в состоянии делать правильные выводы. С вашими людьми ничего не случится, пара часов, и проснутся полные сил. А мы с вами эти пару часов используем для разбора ваших ошибок, чтобы впредь вы не наступали на одни и те же грабли дважды.

– Буду вам искренне благодарен, некоторые свои ошибки я сознаю, но с удовольствием выслушаю вас.

– Тогда начнем, – Александров присел на лежавшем у входа в его дом-юрту бревне.

– Первое и самое главное, Максим, ваши ошибки можно разделить на две составляющие: стратегические объективные и личностные субъективные. Начнем со стратегических, потому что от них зависит судьба целого племени или народа Рус, название, кстати, мне очень импонирует. Первая глобальная ошибка: выбор места основания первого поселения. Вы основали его прямо на пути мигрирующих дикарей. Этот процесс растянется на тысячи лет, способны ли Русы столько времени сдерживать неисчислимое количество кроманьонцев? По подсчетам ученых-палеонтологов, из Африки только в Европу мигрировало около двадцати миллионов человек. Процесс, конечно, растянут на сотни и тысячи лет, но и он будет идти волнами, когда после нескольких

лет затишья десятки тысяч дикарей пойдут этим путем в течение нескольких месяцев. – Александров замолчал на пару секунд и продолжил: – Вторая стратегическая ошибка – основание вторичных поселений на островах вулканического происхождения. Ландшафт Кипра, Родоса, Крита и других островов Средиземного моря многократно изменится: впереди извержения вулканов, землетрясения, гигантские цунами. На какой высоте над уровнем моря располагается ваш Кипрус?

– Метра два выше уровня прилива, – вспомнил я береговую линию Кипруса.

– Хорошее цунами, и от вашего поселения ничего не останется, – грустно заметил вождь племени Нака, ученый с мировым именем в прошлой жизни. – Третья стратегическая ошибка – думать, что Ондон просуществует долго. Он падет раньше Плажа. Единственное, что есть ценное в Ондоне – это люди, их нужно вывезти как можно быстрее, пока город вашей третьей жены не стал местом кровавого пира дикарей.

– Ондон стоит порядка ста двадцати лет, – мой аргумент не возымел действия.

– Римская империя просуществовала в десятки раз дольше и была не в пример сильнее, но и она пала перед варварами, – возразил ядерщик, почесывая седую голову.

– И наконец, пятая и самая главная стратегическая ошибка, у вас нет прогресса! – При этих словах я запротестовал, ссылаясь на производство стали и чугуна, постройку кораб-

лей, изготовление папируса, развитие сельского хозяйства и животноводства. Александров слушал меня с легкой улыбкой и, убедившись, что я закончил, спросил:

– Что лично вы внедрили, Максим? Сталь, чугун, корабли – это все дело рук ваших американцев, моих заклятых врагов. А какое ваше достижение в прогрессе?

– Обучение грамоте, сбор лекарственных трав, ячмень, пшеница, чечевица, разведение крупного и мелкого рогатого скота, введение в оборот денег для развития товарно-денежных отношений. Разве этого мало? – Я с триумфом смотрел на собеседника.

– Не мало, а ничтожно мало, – Александров был неумолим. – Вы учите грамоте всех, но дальше элементарного счета и чтения, знания не даются. Вы сажаете сельскохозяйственные культуры, но при этом не производите селекцию. Обучение лекарскому делу у вас поставлено на очень слабом уровне. Товарно-денежные отношения децентрализованы, нет гильдии, чтобы регулировать цены и спрос. У вас есть два разобранных самолета и космическая капсула, которые простаивают и покрываются ржавчиной. Единственное, в чем вы действительно преуспели, так это в военном деле: оружие великолепно для каменного и даже для железного века. Доспехи воинов тоже на высоте! Ваш корабль – произведение искусства, но он штучный товар. Умрет ваш американец, и кораблестроение заглохнет. Умрет ваш второй американец, технология получения нормальной стали тоже будет

утеряна. Умрете вы, разбегутся все. Нет СИС-ТЕ-МЫ! – по слогам и громко произнес Александров, вскочив на ноги. – Все свои усилия вы направляете на экспансивную политику. Вы уничтожили крупный отряд кроманьонцев, следующий в Европу мимо вас. Возможно, вы внесли серьезные изменения в развитие человечества на планете, и кроманьонцы не станут доминирующим видом, если вы так и продолжите торчать в своем Плаже как кость в горле.

С каждым словом Александрова, я чувствовал, как под градом тяжких обвинений на плечи наваливается тяжесть. Легкое прикосновение к плечу заставило поднять голову:

– Теперь вы готовы, Максим Сергеевич, выслушать ваши личностные субъективные ошибки или на сегодня достаточно?

– Давайте лучше покончим с этим сегодня, на завтра меня не хватит, – попробовал отшутиться, но собеседник принял мои слова всерьез.

– Что же, перейдем к личным просчетам. Вам следовало связаться с ЦУПом и доложить об аномалии, несмотря на запрет своего командира. Вы это сделали? Нет. Не сделали, потому что не привыкли брать на себя ответственность.

Второе: ваша попытка спасти своего напарника выглядит безрассудной и противоречит всем правилам. Вы должны были не допустить выхода в открытый космос Михаила в скафандре для приземления. Для маневров в космосе есть специальный ранцевый скафандр со встроенным двигателем

и бoльшим запасом кислорода.

– Мы теряли воду, у нас не было времени.

– Воды вы много не потеряли бы: заполнив отсек радиаторной, вода бы кристаллизовалась, и утечка прекратилась бы автоматически. Третья ваша ошибка – самая страшная, ее даже можно отнести к стратегическим субъективным. Имея в запасе время, вы абсолютно неграмотно определили приоритеты при выборе предметов первой необходимости. Вы не взяли ЭВМ с базой данных по всем вопросам, что могли пригодиться. С ваших слов, в этих новых ЭВМ мобильного типа может поместиться вся информация доступная человечеству? – на этот вопрос я вынужден был подтвердить, что память ноутбука исчисляется тысячами томов Большой Советской Энциклопедии.

Александров удовлетворенно хмыкнул:

– За одно это, Максим Сергеевич, в советское время вы получили бы лет двадцать тюрьмы.

– Советского Союза давно нет, сгинул, канул в небытие, – не упустил я шанса пустить шпильку в адрес ученого.

– Оно и видно по подготовке космонавтов, – не остался в долгу Александров. Я посмотрел на своих воинов, спящих на песке: давно я не чувствовал себя таким беспомощным. Такое бывало, когда представал перед отцом, кадровым военным.

– Вы напоминаете мне отца, Владимир Валентинович, – неожиданно для себя сознался ученому, – он тоже бывал так

же безжалостен, указывая на ошибки.

– Жаль, что вы его невнимательно слушали, Максим, избежали бы многих ненужных просчетов, – почти ласково ответил физик, снова садясь рядом со мной. – У нас осталось немного времени, сейчас вы обижены, но пройдет время, вспомните наш разговор и будете мне благодарны, Максим Сергеевич.

– Просто Макс, – попросил я ученого. Его бесконечные переходы с ты на вы начинали раздражать.

– Хорошо, Макс. Ваша первая встреча с дикарями и боестолкновение, ваша разведка в сторону бухты, где вы потеряли собаку и чудом избежали смерти, ваша вылазка с Маа на охоту и пленение – все это звенья одной цепи, называемой безрассудство. Сюда же можно добавить абордаж амонахеского корабля, когда ты как заправский пират бросаешься вперед с шашкой наголо.

– Это катана, – поправил я ученого.

– Не суть важно. И таких примеров много, я уже не говорю про оставленную среди неандертальцев кроманьонку, имя которой я забыл.

– Ика, – подсказал Александрову, молясь, чтобы он закончил перечислять мой позор.

– Да, Ика, девушка была обречена на смерть с момента, как ты за нее заступился. Ты должен был это понимать, но ты, как всегда, поступил не задумываясь, потеряв представителя продвинутого племени. А безрассудная атака у самых

границ Плажа? Не будь там твоей шоколадки, – кивок в сторону Бера, – твои кости уже давно белели бы под солнцем, омытые морской водой. Это в принципе всё, я делал выводы, основываясь на твоих словах. Есть, конечно, еще ошибки, но они не влекли за собой катастрофических последствий. При более глубоком анализе смогу понять, почему именно так, а не иначе ты поступаешь, часто вопреки логике.

– Это только поверхностный анализ? – мне стало страшно от пытливого ума этого человека. Я чувствовал себя насекомым, пришпиленным к предметному стеклу и изучаемым группой экспертов.

– Да, поверхностный. Но там, где кнут, всегда есть и пряник, – Александров улыбнулся, – положительных моментов тоже немало. Ты умеешь увлекать людей идеями, правильно расставляешь верных людей на определенные посты. Умеешь вводить людей в зависимость, и это играет тебе на руку. Кроме того, в тебе есть главное: умение сопереживать и сочувствовать. Там, где тебе не хватает знаний, ты действуешь интуитивно, порой это приносит плоды. Например: ты не смог сконструировать кузнечные меха, но догадался сделать вентилятор и желоб из глины для направленной подачи воздуха.

– Это получилось случайно, я просто подумал, что в такой жаре не помешал бы кондиционер или вентилятор, – отмахнулся я от похвалы. Но Александров продолжал:

– Твои стратегические замыслы хороши, но тебе не хвата-

ет терпения. Прекрати экспансию и займись усилением вертикали власти. Создай гильдии и ремесленные школы, пусть знающие занимаются обучением новых людей. Образование не должно быть доступным, это должно быть привилегией, иначе смысл образовательных учреждений теряется. И образование, как и медицина, должны быть основательными. В писари и лекари должны идти мотивированные люди, этим они будут зарабатывать на хлеб. Если в двух словах – систематизируй. Пусть появятся люди, занимающиеся конкретным направлением. Вот твой Зик, например, он глава поселения, лекарь, писарь и он же геолог. Это неправильно! Отдай ему одно направление, и пусть курирует его по всем твоим поселениям, делает ревизии и докладывает тебе. Однако твои люди приходят в себя, заболтались мы с тобой. Нам осталось решить последнее, Макс, то, что тебя гложет весь день.

– И что же это, Владимир Валентинович?

– Твое предложение влиться в Русов с племенем Нака.

– Что вы ответите? – я напряженно ждал ответа.

– Отвечу не я, ответит племя, мы такие вопросы решаем путем голосования, – старик улыбнулся, – не ожидал демократии в каменном веке, император Макс?

Глава 7. Сед

Первым ото сна освободился Тиландер: он сел и уперевшись руками в песок сделал попытку подняться. Его слегка повело в сторону, но американец встал и шатаясь пошел в сторону Александрова, пытаясь нащупать нож в ножнах.

– Он отравил нас, – были первые слова американца, с хрипом вырвавшиеся из горла.

– Не отравил, а усыпил. Успокойся, Герман, все в порядке, Владимир Валентинович нам не враг, – перехватив за руку, остановил разгневанного капитана корабля.

– Хорош друг, что подсыпает в еду отраву, – мрачно констатировал Тиландер, все еще слегка пошатываясь. Александров беззвучно смеялся, прищулив глаза, отчего те превратились в щелочки. Один за другим воины отходили от действия грибов, нескольких вырвало прямо на песок.

– Видишь, Максим, к чему может привести твоя беспечность, – ученый подошел вплотную, пытливо вглядываясь в глаза. – Вы не выставили охранение и одновременно принялись за еду, будь я враг, вы все были бы мертвы, включая гориллу и шоколадку.

– Их зовут Санчо и Бер, – меня уже не в первый раз передёргивало, при эпитетах профессора в адрес моего окружения. – Я не стал выставлять охранения, увидев своего родного русского человека, – попытался оправдать свою беспеч-

ность.

– В каменном веке нет своих, каждый человек – потенциальный враг. Это не значит, что всех следует убивать, но доверять никому не стоит, особенно при первой встрече, – Александров зашел в юрту и вернулся оттуда с рогом. Приставив его к губам, он издал громкий трубный звук. Через секунд тридцать, из леса послышался ответный звук рога. Физик еще дважды коротко выдал незамысловатую трель и удовлетворённо кивнул: – Сейчас мои люди вернутся. Я их отсылал на всякий случай, если тебе не хватит благоразумия выслушать меня и сделать правильные выводы.

– Владимир Валентинович, разрешите посмотреть рог. Мы пробовали сделать из рога рожки для подачи сигналов, но у нас не получилось ничего кроме глухого и негромкого шипения.

– Требуется знать физику звуковых волн и обязательно использовать резонатор, – будничным голосом пояснил Александров, протягивая рожок. Взяв его в руки, внимательно рассмотрел: рог как рог, ничем не отличается от тех, что у нас. Вернул его хозяину под его насмешливым взглядом.

– Удивительный ты человек, Максим. Посмотрел рог и даже не попытался узнать, почему он отличается от ваших. Но, не переживай, если племя захочет быть с вами, рожков у тебя будет достаточно. Уже почти все мои воины вскочили на ноги, ошарашенно тараща глаза друг на друга. Со стороны леса показались Наки, идущие в поселение походной колон-

ной: внутри женщины и дети, по бокам воины.

Когда мы пристали к берегу, у воинов племени не было луков, сейчас лук в руках держал каждый. Эти луки отличались от наших: они были заметно короче и имели s-образный изгиб.

– Предупреди своих людей, Макс, что они в гостях, пусть не забываются, – холодно отчеканил Александров, при виде моих людей, начавшихся выстраиваться в боевой порядок не дожидаясь команды.

– Бер, пусть расслабятся, раньше нужно было быть начеку. После моих слов командир спецназа несколькими командами успокоил обиженных Русов, горевших желанием схватиться с врагом, что усыпляет при помощи еды. Нака словно не уходили никуда, разошлись по поселению, рядом с нами остались лишь жена и дочь ученого.

– Сед, познакомься, это Макс. Макс, это моя дочь Сед, – официально представил нас Александров. Я не рассмотрел девушку, лишь обратил внимание, что она молода. Сейчас, в солнечных лучах девушка выглядела очень миловидной, напоминая здоровых девушек России времен после Второй Мировой войны. Толстая русая коса доходила до поясницы, голубые глаза смотрели немного настороженно, но с искорками. Немного вздернутый носик просто очаровывал, как и пухлые чувственные губы.

– Рада познакомиться, Макс, – девушка протянула руку с аккуратными ногтями, что фантастика. Ногти были вечной

проблемой местных представительниц слабого пола. Большинство ногти просто грызло, некоторые стачивали об абразивные камни.

– Взаимно, – я пожал протянутую руку, отметив невероятное сильное для девушки рукопожатие.

– Вы из какого города, Макс? – Сочный голос Сед шел из глубины внушительной груди, прикрытой широкой полосой выделанной шкуры.

– Москва, а вы? – забывшись, по инерции задал вопрос. Сед заразительно рассмеялась и ответила, прикрывая ладонью губы:

– С планеты Земля.

– Молодые, вы поворкуйте, а мне требуется отдать распоряжения, чтобы собралось Вече, думу думать будем, – снова превратившись в сторбленного старика, Александров скрылся в своей юрте.

– Макс, у тебя жена есть? – в лоб спросила Сед, пристально глядя мне в глаза.

– Есть, у меня их три, – я немного опешил от прямоты вопроса.

– Там где три, четвертая не помеха, – философски заметила Сед, наблюдая за моей реакцией. Девушка безусловно красива, и в ней течет славянская кровь, но у меня нет желания обзаводиться новой женой. Сед расценила мое молчание с чисто женской логикой:

– Я кажусь тебе страшной и некрасивой?

– Нет, конечно! Ты очень красивая девушка, но мне сорок лет, а тебе едва ли восемнадцать. Кроме того, это решать не нам, а твоему отцу.

– Мне уже двадцать, папа говорит, что здешний климат и экология творят чудеса. А слова насчет замужества – это его слова, не мои. Как по мне, ты просто самонадеянный идиот, – Сед резко повернулась и ушла в юрту, оставив меня хлопать глазами. Это когда старый хрыч успел наполеоновские планы разработать? Да еще и дочь ввести в курс дела. С этим Владимиром Валентиновичем ухо держи востро, не поймешь, что у него на уме.

Из домов потянулись люди: мужчины и женщины начали рассаживаться на бревнах, лежавших полукругом в стороне от юрты Александрова. Сам Владимир Валентинович появился последним в сопровождении жены и дочери. На голове ученого красовался убор из перьев, похожий на украшения индейских вождей.

– Пойдемте, Максим, поговорим с народом, – физик прошел мимо, Сед метнула на меня ненавидящий взгляд и гордо прошествовала за отцом.

«Эта, пожалуй, будет проблемнее Мии», – шепнул внутренний голос, подтверждая мои мысли относительно характера девушки.

Спустя десять минут все племя Нака собралось на вече, именно так назвал собрание Александров. Мужчины уселись на бревнах, а женщины и дети выстроились за их спинами.

Ученый пригласил меня присесть рядом и начал речь. Говорил он на местном языке, мне только оставалось надеяться, что речь идет о вступлении в Русы, а не об очередной каверзе против нас. Когда ученый закончил речь, на минуту наступила тишина, потом собравшиеся разразились возгласами и криками. На мой взгляд, мнения людей разделились: сосед спорил с соседом, что-то ожесточенно доказывая.

– Вот так работает хваленая демократия, – обратился ко мне Александров. – А ведь стоит мне сказать, что я принял решение войти в племя Русов, ни один человек не пикнет.

– Почему не скажете тогда? – любопытно спросил я.

– Людям всегда следует оставлять видимость выбора, чтобы они не могли потом упрекнуть тебя в навязывании воли. Пусть думают, будто что-то решают, что их мнение значимо. Исход в любом случае предрешен и зависит лишь от меня, – самодовольно улыбнулся Александров. Я посмотрел на спорящих людей, искренне думающих, что именно они определяют в этот момент, как им жить дальше. На ум пришла ассоциация с парламентами многих стран, где депутаты даже до рукоприкладства доходили. И всегда решение принималось за них.

Александров поднял руку, призывая к тишине: шум и возгласы стихли. Дальше начиналось голосование: мужчины и женщины поочередно сообщали свое мнение коротким «а» и «ма». Первое означало отрицательный ответ, второе означало согласие объединиться с нами. Первым свою позицию

обозначил сам вождь племени Нака, в прошлом советский физик-ядерщик Александров Владимир Валентинович. Его четкое «ма» прозвучало в тишине и задало правильный вектор ответов. «Ма» звучало раза в три чаще, чем короткое и противное «а». Очередь дошла до Сед, девушка улыбнулась мне и отчетливо произнесла «а», от чего седые брови ее отца взлетели вверх и застыли в немом вопросе. Пользуясь тем, что она дочь вождя, Сед вышла в мужской круг и отчеканила на русском слова, предназначенные для меня:

– Не хочу объединяться ни с какими Русами, потому их вождь тупой человек и принесет всем нам беду.

– Дочка, – ласково попытался урезонить ее Александров.

– Папа, я все сказала, лучше выйду замуж за последнего охотника племени, чем за этого дурака, – после этих слов Сед покинула круг и зашагала в сторону края поселения. Проводив взглядом ее упруго покачивающую попу, я перевел взгляд и встретился с глазами физика:

– Молодо-зелено, это она сгоряча, не серчайте, голубчик. Сейчас закончим голосование, и я торжественно поклянусь вам в верности. А потом клятву принесет и все остальное племя, – в глазах старика мне показалась мольба.

«А ведь он боится, что я могу рассердиться на девушку. Но к чему так стараться выдать ее за меня? Девушка самая красивая в поселении, за ее внимание будут биться лучшие охотники племени». Словно подтверждая мои слова, два молодых воина покинули вече, легким бегом после-

довав за Сед, уже скрывшейся из виду за околицей. «Сразу два Ромео, вниманием она точно не обделена».

Я переключил внимание на голосование, уже подходившее к концу. Даже без подсчета понятно, что подавляющее большинство не прочь объединиться. На Нака произвело впечатления наше оружие, а больше всего сам корабль, который ежесекундно находился под прицелом десятков глаз.

Александров встал: все племя поднялось на ноги. Сказав на местном наречии несколько фраз, он воздел к небу руку сжатую в кулак и троекратно прокричал:

– Рус, Рус, Рус!

– Лус, Рус, Лус, – невпопад и разногласо ответили Нака, причем замена буквы Р на Л в нескольких голосах слышалась великолепно. «Еще и картавые, может, евреи», – ехидно проявил себя внутренний голос. «Сам ты еврей», – отмахнулся от него, потому что в этот момент Александров преклонил колено.

– Не нужно, Владимир Валентинович, встаньте, – попытался его поднять.

– Это церемония, не мешай, Макс, процессуальные нормы требуется соблюсти, – с этими словами Александров поднял мою ногу и легонько коснулся ею до своей головы.

«Ничего себе, а еще меня называл самовлюбленным. Я до такого не додумался», – хотел отпустить остроту, но от края поселения раздался крик. Нака моментально загалдели, обернувшись, увидел, как один из воинов, побежавший

вслед за Сед, появился из-за юрт. С первого взгляда стало понятно, что приключилась беда. Позабыв о присяге верности, Нака рванули навстречу воину, который упал на руки соплеменников, произнеся одну фразу. Два слова я услышал отчетливо «Сед» и «хири».

– Хири, – взревел рядом со мной Александров. Рванувшись к нему, встряхнул старика:

– Что значит хири, и где Сед?

– Ее похитили хири, понимаешь, – не дожидаясь от меня ответа, старик начал раздавать указания своим воинам, бестолково бегавшим, размахивая оружием. От таких преследователей толка мало, отыскал глазами Бера:

– Бер, организуй преследование, бери только наших, от этих идиотов нет толка. Догоняйте меня, – рванул по направлению к околице. От последних юрт до опушки леса около сотни шагов: на самой опушке лежал труп второго воина, что последовал за Сед. Сломанные веточки говорили о том, что парень отчаянно защищался, земля в этом месте вся изрыта и испещрена следами босых ног. Еще до опушки леса меня догнал Бер вместе с двадцаткой спецназовцев. Чуть отставая, бежали и мои лучники, смешавшись с воинами Нака. Санчо без доспехов мог бежать наравне со мной, правда, на длинных дистанциях он выдыхался. Даже его огромные легкие не могли длительно обеспечивать кислородом такую гору мышц.

– Санчо, след, – мысленно показал картину, как по лесу

волокут девушку черные дикари. А почему черные? Да просто привык, что кроманьонцы черные, потому и передал такой образ. Подоспел задыхающийся Александров:

– Макс, родной, спаси ее. Если у них появится минут двадцать на забаву, Сед умрет.

Меня словно обухом по голове ударили, мгновенно вспомнил смерть Ики, именно так поняв ученого.

– Вперед, – ринулся в чащу с шумом носорога, продирающегося через кусты, меня обогнал Санчо, сразу определивший верное направление. Его широкие ноздри яростно раздувались: он идет по запаху, догадался я. Если Санчо смог уловить чужой запах, то никакая охотничья собака не сравнится с ним.

Наш отряд растянулся: Санчо, я и Бер со спецназовцами вырвались вперед, крики следовавших за нами постепенно слабели. Лес в этом месте преимущественно лиственный, густых порослей мало, бурелом практически не встречается. Мы бежали минут двадцать, легкие горели, я чувствовал, что ноги слабеют, а сердце колотится, словно собирается выпрыгнуть из грудной клетки.

Санчо остановился так внезапно, что я чуть не расквасил себе нос, влетев ему в спину.

– Га (опасность, они рядом), – неандерталец протянул руку вслед солнцу, склоняющемуся к закату. Лес в этом месте поредел и просматривался почти на сотню метров. Стараясь не шуметь, мы скользили вслед за Санчо, идущим неслыш-

но, словно тигр на охоте. Обычно грузный и неповоротливый неандерталец на охоте или во время разведки становился бесшумным. Дойдя до линии густых кустов, Санчо остановился: даже я слышал монотонные человеческие крики. Сразу за кустами начинался обрыв, высунувшись, увидел, что около двадцати почти обнаженных фигур кружат в хороводе, хлопая в ладони и подпрыгивая.

Внутри человеческого хоровода на ковре из листьев и травы на спине лежала Сед. Девушка, вероятно, была без сознания, потому что лежала неподвижно. Высота обрыва примерно метров двадцать, сам склон не отвесный, но градусам к восьмидесяти приближается точно. Спускаясь по такому легко можно сломать себе шею. Более пологий спуск начинался метрах в ста с правой стороны, я уже высовывал голову из кустов, когда крики оборвались, и хоровод остановился и распался, и один из танцующих, а это определенно неандертальцы, сдернул с себя набедренный кусок шкуры, демонстрируя готовность. «Макс, родной, спаси ее. Если у них появится минут двадцать на забаву, Сед умрет» – эхом отозвались в голове слова Александра. В эту же секунду неандерталец рывком сорвал с Сед топ из выделанной шкуры. Поднимая, что не успеваю спуститься по пологому спуску до того, как случится непоправимое, кинулся вниз, скатываясь на спине по почти отвесному склону. Поднимая тучу желтой пыли, несколько раз больно зацепив копчиком неровности стены, благополучно достиг подножья обрыва, но не удержался.

жался на ногах и упал плашмя, не успев плавно подогнуть колени.

Мгновенно вскочив, увернулся от занесенного каменного топора и выдергивая катану сразу от пояса полоснул по бочкообразному животу неандертальца. Словно орехи рядом посыпались Санчо, Бер и спецназовцы, повторившие ускоренный мой спуск. Практически сразу закипел бой, оглянувшись, увидел, что вожак сорвал с всё еще бессознательной Сед набедренную повязку и переворачивает ее на живот. Между нами оставалось около тридцати метров: с ревом, от которого отшатнулся встретившийся на пути неандерталец, я рванул к вожаку.

Это животное в тот момент ничего не видело, им овладела похоть. Я метнул катану как копье в момент, когда вожак снова повернул голову в сторону девушки, практически висевшей у него на руках. Катана не меч, это скорее сабля, для метания не приспособлена. Но бросок получился удачным, острое угодило неандертальцу в районе поясницы, заставив выронить Сед. Девушка упала тряпичной куклой, а неандерталец бросился на меня, поднимая огромную суковатую дубину, которую успел подхватить с земли. Что-то отшвырнуло меня в сторону, и такая же огромная фигура прыгнула на вожака хири, подминая его под себя. Санчо оказался сильнее и проворнее, ему хватило двадцать секунд, чтобы забить вожака до смерти. Мои спецназовцы добивали остальных хири, по сути, оказавшиеся неандертальцами, хотя внешне немно-

го отличались от Санчо. Вспомнив о Сед, метнулся к ней: упав, она так и лежала, ее колени оказались под животом, отчего поза девушки выглядела вызывающей и недвусмысленной. Сорвав с себя тунику, укрыл ею Сед и осторожно поднял на руки, убедившись, что никакими прелестями она не сверкает.

В этот момент наверху обрыва показались отставшие лучники, воины Нака и сам Александров. Сед пришла в себя, вздрогнув и не разобравшись, из своего неудобного положения заехала мне в глаз. Мир вспыхнул разноцветными красками, и я еле удержался, чтобы не бросить ее на землю. От второго удара успел уклониться, прикрикнув на девушку, чтобы успокоилась. Услышав русскую речь, девушка меня узнала:

– Это ты спас меня, Макс?

– Я, а ты вместо спасибо заехала мне кулаком в глаз, – буркнул я, ставя ее на ноги. Затем, заслонив ее спиной от посторонних, приказал: – Надевай мою тунику через голову, нечего голозадой шастать перед людьми.

– Ой, – послышалось из-за спины, зашуршала ткань, и через пару мгновений Сед стояла передо мной с висящей на ее плечах туникой.

– Ты спас меня как настоящий рыцарь, и теперь просто обязан жениться на мне, – серьезно заявила русая красавица. Несмотря на синяк под глазом и разбитую губу выглядела она прекрасно.

– В мое время жениться обычно требовали после других действий, а не после того, как рискуя жизнью, спасаешь глупую девчонку, – проворчал я, делая шаги навстречу Александру. Тот, спустившись вниз, спешил к нам, протягивая руки к дочери.

Глава 8. Тартыга

В поселение вернулись только в сумерках, лишь когда показались юрты-дома, узнал, что поселение называлось Эдем. У Александрова оказалось своеобразное чувство юмора. По дороге назад отыгрался на ученом по полной, припоминая все упреки в мой адрес про беспечность и плохо налаженное охранение моего отряда.

– Владимир Валентинович, как так случилось, что у вас под самым носом бродят неандертальцы, довольно многочисленный отряд, между прочим, а вы ни сном, ни духом?

– Хири не появлялись в этих местах около пяти лет, – бубнил профессор, стараясь не отставать от меня. Меня поражало, как он в своем возрасте смог пробежать такое расстояние, практически не отставая от воинов. Понятно, что он бежал налегке, но человеку восемьдесят лет.

– Тем не менее, вы совершенно не заботитесь об охране своего периметра. У вас нет часовых, хотя налажена система оповещения. Это непростительно, Владимир Валентинович, – меня несло, я не мог остановиться, отрываясь за те часы позора, что пережил, когда Александров отчитывал меня.

– Я старый больной человек гражданской профессии, мне такие ошибки простительны. Мы не встречали здесь людей больше пяти лет, Эдем расположен на отшибе, в стороне от охотничьих угодий дикарей. Но ошибку свою признаю, рас-

слабился в ощущении безопасности, – ученый без обид воспринял мои замечания. Сед шла чуть позади нас, моя туника болталась на ней, словно пальто на вешалке.

– Макс, у меня просьба, – Александров понизил голос, чтобы дочь не слышала, – заберите с собой Сед. После моей смерти, а я не вечен, ей уготована доля стать женой дикаря. Если вам она хоть немного симпатична, мне очень хотелось бы видеть вас своим зятем и сыном.

– Владимир Валентинович, у меня уже есть три жены.

– Дикарки, – отмахнулся профессор. – Сед не показала вам своих знаний, но поверьте, она знает многое. С трех лет я занимался ее обучением, конечно не по всем предметам, но в области некоторых полезных в это время наук у нее фундаментальные знания.

– Постойте, Владимир Валентинович, если мне не изменяет память, то все Нака вливаются в народ Русов, значит всех и нужно забрать, – я даже остановился, ожидая ответа старика.

Александров вздохнул:

– Максим Сергеевич, дорогой, мы же говорили об этом. Местоположение ваших поселений – стратегическая ошибка. Я не отказываюсь от своей присяги, и племя с утра также принесет вам ее. Но мое твердое убеждение, центр цивилизации, что вы строите, должен находиться в Европе.

– Почему? – я и сам так пару раз думал, но хотел услышать ответ профессора.

– Макс, давайте дойдем до Эдема и там за ужином обсудим все детали. Пригласите на ужин и американца, мне кажется, он вполне здравомыслящий человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.